

«СКАЗКА О ПАСТУШОНКЕ ПЕТЕ, ЕГО КОМИССАРСТВЕ И КОРОВЬЕМ ЦАРСТВЕ» ЕСЕНИНА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ПРОТОТИПЫ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАЗНОСТЬ

© 2025 г. Е.А. Самоделова

Аннотация: «Сказка о пастушонке Пете...» относится к жанру литературной сказки, частично подчеркнутой уже в названии, написана в последний год жизни Есенина и, вероятно, адресована его собственным детям. Произведение повествует о сельской жизни в советском государстве, о социальных изменениях, и картина нового быта с отзвуками прежней патриархальности дана глазами мальчика-подпаса. Реальность переплетается со сновидением мальчика, в результате чего он меняет свои мечты и по-новому относится к этапу детства. Проводится текстологический анализ, исследуются возможные протоисточники, указываются рукописные и печатные источники текста, изучается поэтика произведения, его лингвистические составляющие, рассматриваются немногочисленные отклики современников. Также анализируются фольклорные переделки и произведения других жанров, основой которых стала «Сказка о пастушонке Пете...». В итоге выполнен комплексный анализ сочинения в контекстах его создания и бытования, вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: «Сказка о пастушонке Пете...», имя Петр, мотив сновидения, образ березы, тарантас, «коровье царство», фольклорные переделки.

Информация об авторе: Самоделова Елена Александровна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

E-mail: helsa@rambler.ru

Для цитирования: Самоделова Е.А. «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» Есенина: история создания, прототипы, художественная образность // Сергей Есенин в контексте русской и мировой культуры / науч. и отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН; Константиново: Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2025. С. 137–212. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-137-212>

«THE TALE OF THE SHEPHERD PETYA, HIS COMMISSARSHIP AND THE COW KINGDOM» BY ESENIN: HISTORY OF CREATION, PROTOTYPES, ARTISTIC IMAGERY

© 2025. Elena A. Samodelova

Abstract. “The Tale of the Shepherd Boy Petya...” belongs to the genre of literary fairy tale, this is already partially emphasized in the title. It was written in the last year of Esenin’s life and, probably, was addressed to his own children. The work tells about rural life in the Soviet state, about social changes, and the picture of the new way of life with aftersound of the former patriarchy is given through the eyes of a shepherd boy. Reality intertwines with the boy’s dream, causing him to

change his dreams and view his childhood in a new way. A textual analysis is carried out, possible proto-sources are examined, handwritten and printed sources of the text are indicated, the poetics of the work and its linguistic components are studied, and the few responses of contemporaries are considered. Folklore adaptations and works of other genres based on "The Tale of the Shepherd Boy Petya..." are also analyzed. The result is a comprehensive analysis of the work in the contexts of its creation and existence, right up to the present day.

Key words: "The Tale of the Shepherd Boy Petya...", name Peter, dream motive, image of a birch tree, tarantass, «cow kingdom», folklore remakes.

Information about the author: Elena A. Samodelova, DSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

E-mail: helsa@rambler.ru

For citation: Samodelova, E.A. "The Tale of the Shepherd Petya, His Commissarship and the Cow Kingdom' by Esenin: History of Creation, Prototypes, Artistic Imagery." *Sergey Esenin in the Context of Russian and World Culture: Acad. and ex. ed. Natalia I. Shubnikova-Guseva*. Moscow, IWL RAS Publ.; Konstantinovo, The State Museum Reserve of S.A. Esenin, Publ., 2025, pp. 137–212 (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-137-212>

История текстологического изучения рукописей и публикаций «Сказки о пастушонке Пете...»

«Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» (7/8 октября 1925) — стихотворение, описывающее в иронической манере мечтание мальчика-подпаска стать комиссаром, сновидение об этом в виде кошмара и в итоге понимание разных социально-возрастных и профессиональных ролей и последовательности их исполнения. Произведение написано в жанре стихотворной литературной сказки, на что указывают уже его название и концовка: «Написал ту сказку / Я — Сергей Есенин»¹ — с подчеркнутым авторским началом и способом письменного изложения сюжета, в отличие от устной формы бытования фольклорной сказки и анонимности сказочника, чей образ также наиболее явно проявляется в фольклорно-сказочной концовке.

Устно-поэтические сказки имеют типовые повествовательные схемы, распространенные на большой территории и у разных народов, систематизированные в специальных научных указателях международных сюжетов (напр., в «Сравнительном указателе сказок: Восточнославянская сказка», 1979; "Typen türkischer Volksmärchen" Эберхальда — Боратова, 1953; "The Types of International Folktales a Classification and Bibliography" Утера, 2004)². Сю-

¹ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1997. Т. 2 / подгот. текстов и коммент. С.И. Субботина. С. 173. Далее данный том цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы, том обозначен римской цифрой.

² Сравнительный указатель сказок: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Баран, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с. (в тексте — СУС); Eberhard W,

жетная линия сочинения Есенина и его стилистика уникальны, несмотря на использование просторечных оборотов, народных фразеологизмов и диалектизмов (во время поэта называвшихся «провинциализмами»). Есенин отчетливо представлял себе разницу между фольклорной и авторской сказкой, обращал внимание на литературный жанр и читал произведения такого рода. Об этом свидетельствует упоминание, в частности, повести «Вий» Н.В. Гоголя в «Ключах Марии» (сентябрь–ноябрь 1918): «Вслед Ключеву свернул себе шею на своей дороге и подглуповатый футуризм, очертив себя кругом Хомы Брута из сказки о Вие, он крикливо старался напечатлеть нам имена той нечести <д. б.: нечисти. — Е. С.> (нечистоты), которая живет за задними углами наших жилищ»³.

Произведение наследует традицию литературных сказок А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, П.П. Ершова и др., основанных на песенно-речитативной манере сказывания фольклорных сказок. Продолжает сказочную линию творчества Есенина: «Сиротка (Русская сказка)» (<1914>)⁴, «Бабушкины сказки» (<1913–1915>) и др. Также Есенин развивает пастушескую тему (в том числе в ее женском аспекте), восходящую к античной пасторальной поэзии, проследовавшую по русской классической литературе и через все творчество поэта: в стихотворениях «Калики» (1910), «Я пастух. Мои палаты...» (1914), «Табун» (1915), в повести «Яр» (<1915>) и рассказе «У белой воды» (<1915>), в стихотворении «О пашни, пашни, пашни...» (1917), в маленьких поэмах «Иорданская голубица» (20–23 июня 1918) и «Сельский часослов» (1918) и др. Почитание пастуха особенно выражено в «Ключах Марии» (сентябрь — ноябрь 1918).

«Сказка о пастушонке Пете...» имеет авторскую дату, поставленную под текстом в черновом автографе (ЧА; частное собрание): «7/8 октября 1925», а также в перечне произведений, сделанном С.А. Толстой-Есениной — «7/8 октября 1925». Она соотносится с концовкой произведения: «В мокрый день осенний, / Написал ту сказку / Я — Сергей Есенин» [II, 173]. В «Собрании стихотворений: в 4 т.» (т. 2, 1927), подготовленном редактором И.В. Евдокимовым по рукописям Есенина, после текста поставлена дата «Октябрь, 1925»⁵. Быстрота написания

Boratóv P.N. Typen türkischer Volksmärchen / von Wolfram Eberhard, Pertev Naili Boratóv. Weisbaden: Steiner, 1953. XI, 506 s. (Series: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission); Uther H.-J. The Types of International Folktales a Classification and Bibliography. Parts I–III. Helsinki: Academia scientiarum fennica, 2004. 618 p. (Series: Folklore Fellows' Communication 284–286)

³ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1997. Т. 5 / сост. и коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, Е.А. Самоделова, С.И. Субботин, Н.Г. Юсов. С. 208. Далее данный том цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы, том обозначен римской цифрой.

⁴ Здесь и далее в угловых скобках поставлены условные даты.

⁵ Есенин С.А. Собрание стихотворений: в 4 т. / под ред. И.В. Евдокимова. Л.: Госиздат, 1926–1927. Т. 2. С. 191.

произведения подтверждается словами В.Ф. Наседкина: «Сказка о пастушонке Пете» написана им <Есениным. — Е.С.> за одну ночь»⁶.

С.И. Субботин, комментатор произведения в ПСС Есенина, указал в 1997 г.: «Автограф “Сказки...” находился в конце 20-х годов в распоряжении С.А. Толстой-Есениной, поскольку значится (с пометой “есть”) в перечне датированных автографов и авторизованных списков произведений Есенина, написанном ее рукой (ГЛМ)»⁷. На первой странице того списка, выполненного рукой С.А. Толстой-Есениной и с пометами Есенина, имеется ее надпись: «“Пионер” для цензуры 2 экз. 1925 г.» [II, 453].

Вскоре, в том же 1997 г., данный черновой автограф был найден и в завершающем ПСС томе 7 (2) опубликован с комментарием С.И. Субботина: «Публикация произведения в наст. изд. (т. 2, с. 166–173) была сопровождена указанием на существование этого автографа, сделанным на базе архивных сведений (см. т. 2, с. 453). Его текст стал доступен исследователям лишь в 1997 г., когда т. 2 наст. изд. со “Сказкой о пастушонке Пете...” уже вышел в свет»⁸.

На данный момент известно 3 рукописи произведения: 1) черновой автограф (ЧА), частное собрание [7 (2), 20–25, комм. 42–43]; 2) список рукой Толстой-Есениной, авторизованный Есениным (РГАЛИ, ф. К.Л. Зелинского) [II, 246, комм. 453–455]; 3) наборный экземпляр (список рукой Толстой-Есениной, авторизованный Есениным) (РГАЛИ, ф. К.Л. Зелинского) [II, 246–247, комм. 455].

При жизни Есенина «Сказка о пастушонке Пете...» публиковалась трижды: в газете «Заря Востока», 1925, 1 ноября, № 1018; в журнале «Пионер», М., 1925, 5 декабря, № 23, с. 12–14, с иллюстрациями К.П. Ротова (в обоих случаях в заглавии вместо «о пастушонке» было «о пастушке»); в газете «Русский голос» (г. Нью-Йорк, 1925, 6 декабря, № 3672, воскресное приложение)⁹. Важно, что «Пионер» сопроводил публикацию произведения иллюстрациями художника,

⁶ Наседкин В.Ф. Последний год Есенина // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 307.

⁷ Субботин С.И. Комментарии // Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.). М.: Голос; Наука, 1997. Т. 2 / подгот. текстов и коммент. С.И. Субботина. С. 453.

⁸ Субботин С.И. Комментарии // Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю. Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 2000. Т. 7. Кн. 2 / общ. ред. С.И. Субботина; сост., подгот. текстов и коммент.: В.А. Дроздов, А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, С.С. Куняев, Ю.А. Паркаев, Т.К. Савченко, Е.А. Самоделова, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Л.М. Шалагинова, Н.И. Шубникова-Гусева, Н.Г. Юсов, Ю.Б. Юшкин. С. 42–43. Далее указанная книга цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы, том обозначен римской цифрой.

⁹ Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 т. (7 кн.). М.: ИМЛИ РАН, 2013. Т. 5. Кн. 1 / гл. ред. Н.И. Шубникова-Гусева; сост. Н.И. Шубникова-Гусева, при участии С.И. Субботина, Н.Г. Юсова; сост. разд.: А.Н. Захаров, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, Н.М. Солобай. С. 506, 566, 568. Далее данная книга цитируется как: Летопись, 5 (1), с указанием страницы в тексте после цитаты.

что показывает особую заинтересованность журнала в «Сказке о пастушонке Пете...» (Летоп. 5 (1), 788–789)¹⁰; заметим, что и книжка «Сказка о Пете...» (1925) Маяковского была с рисунками, выполненными Н. Куприяновым.

Все 6 архивных и прижизненных публикаций содержат разночтения. Все эти тексты представляют собой 2 редакции: первая реализована в черновом автографе; вторая явлена во всех остальных вариантах. Наличие редакций и вообще вариантов в литературной сказке соответствует принципу существования версий и вариантов фольклорных текстов, в том числе сказочных.

10 декабря 1925 г. газета «Коммуна» (г. Самара, № 2095) в рубрике «Хроника художественной литературы» проинформировала, что Есенин закончил сказку в стихах «О пастушке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» (так!) (Летоп. 5 (1), 571). Интересно, что в предыдущем номере от 9 декабря (№ 2094) в рубрике «Литературная Самара» было опубликовано стихотворение Н. Жоголева «Сергею Есенину» со строчками: «И не ты ли холудиною <так!> / Загоняешь стадо зорь?» (Летоп. 5 (1), 570). Можно предположить, что непонятное слово оказалось опечаткой наборщика и должно читаться «хворостиною»; это свидетельствует либо о поступлении в редакцию «Сказки о пастушонке Пете...» и о знакомстве с ней самарского поэта по рукописи; либо о прочтении произведения Есенина не в рукописи, а в печатном издании, вышедшем в начале декабря 1925 г. (см. выше), что даже более вероятно.

После гибели поэта «Пионер» (1926, № 1) поместил заметку без подписи «Трагическая кончина Сергея Есенина» с его портретом, биографическими сведениями и с упоминанием публикации «Сказки о пастушке Пете...» (с таким названием) (Летоп. 5 (2), 275).

Еще ряд русских, белорусских и украинских периодических изданий перепечатал начальный фрагмент (строки 1–40, без мотива сна про комиссара) «Сказки о пастушке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве», повторив неточное заглавие двух прижизненных публикаций. Таким образом откликнулись «Заря Запада» (г. Витебск, 1926, 15 января, № 12); «Полесская правда» (г. Гомель, 1926, 17 января, № 14); «Звезда» (г. Минск, 1926, 17 января, № 14); «Советская мысль» (г. Великий Устюг, 1927, 17 января, № 14); «Коммуна» (г. Самара, 1926, 17 января, № 14). Удивительно, но еще множество газет и один журнал снабдили публикацию указанием на будто бы первое обнародование произведения, причем в некоторых изданиях даже отсутствует авторский заголовок и указан иной жанр сочинения: «Красная звезда» (1926, 19 января, № 15) — с подзаголовком «Отрывок из неизданного стихотворения Сергея Есенина»; «Звезда» (Новгород, 1926, 24 января, № 18) — с заглавием «Неиздан-

¹⁰ По поводу рисунков в журнале благодарим архивиста Н.М. Солобай за ценное наблюдение при обсуждении статьи по телефону в ноябре 2022 г.

ное стихотворение Сергея Есенина»; «Диктатура труда» (г. Сталин, Украина, 1926, 31 января, № 24) — под названием «Неизданное стихотворение»; журнал «Красная панорама» (Ленинград, 1926, 19 марта, № 12) — с пометой «Неопубликованная поэма», с рисунком Д. Митрохина и ранее не публиковавшейся фотографией Есенина (Летоп. 5 (2), 491).

Произведение было напечатано в последние два месяца жизни поэта и не успело получить отклики критики. Редактор вспоминал о заключительном этапе работы поэта над «Собранием стихотворений»: «Последний раз он принес большое стихотворение “Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и королевстве царстве”. <...> Мы все скопились в одно место. Есенин громко и жарко читал, размахивая листками. <...> Все улыбались и хвалили стихи. А когда он ушел, многие сразу запомнили и твердили отдельные строфы»¹¹.

Несмотря на создание произведения за одну ночь, Есенин успел серьезно поработать над его содержанием и стилем, что видно из сохранившейся рукописи. В частном собрании в черновом автографе содержится 6 слоев правки (I–VI); это самое большое количество слоев в известных автографах произведения, но послойная правка здесь не всегда велась максимальное число раз, а варьировалась от одного-двух до четырех и шести. Самыми важными моментами правки являются отказ автора от зачина про деда и внука (эти герои уже выводились в ряде стихотворений в начале творческого пути Есенина — в «Деде», <1915>), а также отмена подробного описания колосьев-«лебежат» (этот образ был представлен в «Песни о хлебе», 1921). Есенин отказался от этих второстепенных персонажей и пейзажных элементов, поскольку они уже использовались им в других произведениях.

Отдаленная предыстория создания «Сказки о пастушонке Пете...», показывающая внимание Есенина к ребятишкам, особенно к малышам-родственникам, просматривается в воспоминаниях сестры — А.А. Есениной: «Он любил нас с сестрой, любил своих детей, всюду возил с собой их фотографии»¹². В юности поэт написал фактически литературную сказку «Бобыль и Дружок (Рассказ, посвященный сестре Катюше)» (<1914–1915>), хотя без обозначения сказочного жанра и, наоборот, с неполным указанием жанровой разновидности — (детского) рассказа¹³. Считать произведение «Бобыль и Дружок» сказкой позволяет нам и еще паре исследователей — Л.М. Юзefович (Радионовой) и Е.В. Логачевой — не только жанровая поэтика произведения, но и прямое упоминание два раза

¹¹ Евдокимов И.В. Сергей Александрович Есенин // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 292.

¹² Есенина А.А. Родное и близкое // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 107.

¹³ Самоделова Е.А. «Бобыль и Дружок» С.А. Есенина: к полемике о жанровом статусе и фольклорных истоках поэтики текста // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 70–79. <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.81.4.007>.

термина — «Расскажет старик Дружка о своей жизни, расскажет о ней грустную сказку <...>»; «<...> нащептали они <цветочки> чудную сказку о дружбе птичкам» [V, 158, 160]; разумеется, это не отменяет авторской позиции обозначить произведение «рассказом». Показательно, что спустя 10 лет Есенин создал произведение уже в отчетливо определенном сказочном жанре с вынесением его дефиниции в заглавие — «Сказку о пастушонке Пете...», и также в первую очередь предназначил сочинение родным, в данном случае уже собственным детям, хотя прямого посвящения им в тексте нет — в отличие от «Бобыля и Дружка».

Очевидно, на решение определить произведение как сказку в некоторой мере мог повлиять усилившийся возрастной разрыв автора с его адресатами — детьми, стремление представить себя опытным сказочником. Вспомним характерное заглавие «Бабушкины сказки» (<1913–1915>) для раннего произведения, в котором задан социальный статус умудренной жизнью сказочницы, что является отражением реальной народной традиции сказывания сказок представителями старшего поколения. Например, в автографе эго-документа «Сергей Есенин» (1922) из Библиотеки Колумбийского университета в США поэт назвал сказочницей свою бабушку по линии матери: «Через нее я знаю все русские песни и сказки»¹⁴. В «Автобиографии» (<1923>) Есенин указал ту же самую главную сказочницу в его жизни: «Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад» [VII (1), 11]. Конечно, ко времени создания «Сказки о пастушонке Пете...» Есенин не успел войти в разряд «матерых дедов», однако уже прочувствовал свою власть над поэтическим словом. И сказка написана за одну ночь, как говорится — на едином дыхании, как если бы рассказывалась устно сказочником. Наличие правки произведения показывает вариативность текста, что напоминает способ бытования фольклорной сказки, каждый раз рождающейся заново в конкретный момент сказывания.

Есенин был по профессии учителем школы грамоты, его первое опубликованное стихотворение «Береза» (<1913>) появилось в детском журнале «Мирок» (1914, № 1); он готовил сборник лирики для детей «Зарянка» в 1916 г. (не вышел при жизни)¹⁵, «Пряник осиротевшим детям» (1916) [IV, 384], писал о подростках-беспризорниках в стихотворениях «Папиросники» (1923), «Русь бесприютная» (1924). М.Д. Ройзман оставил воспоминания о тяжелом впечатлении Есенина от песни случайно встреченного беспризорника в годы Гражданской войны,

¹⁴ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1999. Т. 7. Кн. 1 / сост., подгот. текстов и коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Н.Г. Юсов. С. 351. Далее данная книга цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы, том обозначен римской цифрой.

¹⁵ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1997. Т. 4 / сост., подгот. текстов и коммент.: С.П. Кошечкин, Н.Г. Юсов. С. 325, 349–350, 356, 358, 366–368. Далее данный том цитируется в тексте в квадратных скобках, обозначен римской цифрой с указанием страницы.

о приглашении такого же певца-оборванца к себе в больничную палату¹⁶. Об исключительной нежности и внимании Есенина к беспризорникам¹⁷, о встречах с ними на улицах голодной Москвы писала и Г.А. Бениславская¹⁸.

Более того, Есенин с Н.К. Вержбицким 2 или 3 ноября 1924 г. посетили лектор для беспризорников в Тифлисе, поэт сообщил им «от начала до конца выдуманный рассказ» о себе и «очень правдиво рассказал, как он сам был беспризорником, голодал, холодал, но потом нашел в себе силы расстаться с бродяжничеством, подыскал работу, выучился грамоте и вот теперь — пишет стихи <...>»¹⁹. Есенин подмечал повадки беспризорников и в беседе с ними умело применял их: «В разговоре он употреблял жаргонные слова, пользовался босяческими интонациями и жестами <...>»²⁰.

Поэт хотел создать большое произведение на тему детского беспризорничанья, о чем сообщал Вержбицкий: «В последние два года жизни Есенин часто говорил о своем желании написать повесть о беспризорниках, которые в те годы буквально загромодили все большие города и железнодорожные узлы. Это была его неутолимая, горестная тема»²¹. В период до 25 июля 1925 г. Есенин поделился с Вержбицким своим замыслом: «Когда приеду, напишу поэму о беспризорнике, который был на дне жизни, выскочил, овладел судьбой и засиял. Посвящу ее тебе в память наших душевных и незабываемых разговоров на эту тему»²².

Известно восторженное восприятие детской литературы, в том числе стихотворной, жителями Москвы — знакомыми Есенина, что могло натолкнуть поэта на мысль сочинить что-нибудь специально для детей. Об этом вспоминала его младшая сестра А.А. Есенина:

Осенью 1924 года Сергей жил на Кавказе, а Катя временно жила у Гали Бениславской в Брюсовском переулке (теперь улица Неждановой), так как комната в Замоскворечье, которую она снимала у бывших сослуживцев нашего отца,

¹⁶ Ройзман М.Д. Из книги «Все, что помню о Есенине» // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 382–383, 392.

¹⁷ См. также: Савченко Т.К. «Папиросники» и «Русь бесприютная» Есенина в контексте борьбы с беспризорностью в Советской России 1920-х гг. // Сергей Есенин, его современники и наследники: Коллективная монография к юбилею Н.И. Шубниковой-Гусевой / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 148–171.

¹⁸ Бениславская Г.А. Воспоминания о Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 66.

¹⁹ Вержбицкий Н.К. Встречи с Есениным // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 226.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 228.

²² Козловский А.А. Комментарии // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 392.

была занята приехавшей к ним дочерью с ребенком. В эту комнату мы с Катей поселились лишь осенью 1925 года. <...>

Соседи у Гали были молодые, всем интересующиеся, особенно литературой. Очень любили здесь стихи и удачные новинки декламировались прямо на ходу. Стихи влетались в жизнь. <...>

При встрече со мной часто декламировали строчки из «Крокодила» Чуковского. Эту сказку вся квартира знала почти наизусть <...>²³.

В 1924 г. Есенин навестил в волостном селе Кузьминское своего друга С.Н. Соколова, который вспоминал об этом посещении: «Играл с моим сыном Александром. Взял его на руки и долго пестовал. В шутку сказал ему: “Вот подрастешь к будущему году, я приеду, и мы с тобой около берез побегаем”. (Сыну моему тогда шел седьмой месяц.)»²⁴. Может быть, воспоминание об этих безрезках навяло Есенину концовку «Сказки о пастушонке Пете...», в которой именно береза дает главному герою мудрое наставление.

Сын поэта К.С. Есенин передал слова своей матери З.Н. Райх о том, как его отец посетил их с сестрой и в результате появилась «Сказка о пастушонке Пете...»:

Есенин сел с нами за прямоугольный детский столик, говорил он, обращаясь по большей части к Тане. После первых слов, что давно забыты, он начал расспрашивать о том, в какие игры играем, что за книжки читаем. Увидев на столе какие-то детские тоненькие книжицы, почти всерьез рассердился:

— А мои стихи читаете? <...>

Потом, когда появились обращенные к детям стихи «Сказка о пастушонке Пете», помню слова матери о том, что рождение их связано именно с этим посещением отца, который приревновал своих детей к каким-то чужим, не понравившимся ему стихам. Да, наверно, это было так²⁵.

Н.П. Милонова, жена поэта Ивана Приблудного (наст. имя и фамилия — Яков Овчаренко), вспоминала, что после лечения Есенина в больнице он отправился на какое-то время жить в квартире редактора И.В. Вардина (наст. фамилия Мгеладзе). Примечательна деталь скудного убранства его комнаты, свидетельствующая о любви поэта к детям: «Есенин жил в небольшой, очень просто убранной комнате. Помню только кровать, фотографию детей Есенина в матрос-

²³ Есенина А.А. Родное и близкое // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 103–104.

²⁴ Соколов С.Н. Встречи с Есениным // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 136.

²⁵ Есенин К.С. Об отце // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 275.

ских костюмчиках в исполнении фотографа Наппельбаума и большую коробку пудры “Лориган” на окне»²⁶.

В.И. Николаев привел устные воспоминания К.С. Есенина о том же событии: «Мы с Таней играем на полу с книжками. Подходит он. Смотрит книжки. Не понравилась: “Надо читать мои стихи”. Мы первый раз видели своего отца. Ушел. И появились стихи о пастушонке Пете...»²⁷.

Комментатор С.И. Субботин указывает: «Из содержания “Сказки...” явствует, что среди не нравившихся Есенину детских стихов поэтов-современников было сочинение В.В. Маяковского “Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий” (выпущена отдельной книжкой в мае 1925 года с рис. Н. Купреянова): сон пастушонка Пети о его комиссарстве имеет явные полемические отсылки к “Сказке о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий” В.В. Маяковского»²⁸ [II, 456].

Еще ранее Л.Л. Бельская обратила внимание на переключку «Сказки о пастушонке Пете, толстом ребенке...» с указанным произведением:

Через полгода после Маяковского сказку на современную тему для детей младшего возраста написал С. Есенин, дав аналогичное зарифмованное заглавие с упоминанием жанра и имени одного из героев своего предшественника: «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве». Вряд ли это было случайным совпадением — скорее походило на творческое соревнование и полемичку²⁹.

К.И. Чуковский привел точку зрения критиков «Сказки о Пете, толстом ребенке...» Маяковского насчет того, что ее зачин восходит к детскому фольклору (в том числе к фольклорной сказке и считалке) — «это типичная народная считалка, приближающаяся по своим интонациям к традиционным числовым»³⁰:

Жили-были Сима с Петей.
Сима с Петей были дети.
Пете пять, а Симе семь —
И двенадцать вместе всем³¹.

²⁶ Милонова Н.П. Воспоминания. Письма. Луганск: ООО «Пресс-экспресс», 2020. С. 20.

²⁷ Николаев В.И. «Вы всё, конечно, помните...» Томск: НТЛ, 2009. С. 70.

²⁸ Субботин С.И. Комментарии. С. 456.

²⁹ Бельская Л.Л. Социальный заказ, или Две сказки для детей // Русская речь. 1993. № 4. С. 18.

³⁰ Чуковский К.И. От двух до пяти // Чуковский К.И. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 6. С. 701; графика числовки уточнена нами. — Е. С.

³¹ Маяковский В.В. Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий / с рисунками Н. Купреянова. М.: Моск. рабочий, 1925. С. 3.

Нечто подобное можно усмотреть в шутиливой характеристике осени, «что шумит, как восемь / Чертенят веселых» [II, 168] в «Сказке о пастушонке Пете...» Есенина³². Заметим, что Есенин видоизменяет образ птицы, найденный Маяковским. У того — «Птицы с песней пролетали, пели: "Сима — пролетарий"», причем «песня» птиц трижды воспроизведена в иллюстрации Н. Купреянова в виде крикливой и улетающей вдаль птичьей стаи³³; у Есенина — «Вспуганная птица / Улетает в чашу» [II, 169]. К двум полярным по классовой принадлежности главным героям — Пете, сыну буржуа, и Симе — сыну пролетария (кузнеца) у Маяковского Есенин добавляет своего Петю — сына крестьянина. Это единственный действующий герой-человек в сказке; коровы, утка, деревья служат лишь пейзажным оформлением, природным фоном, а взрослый пастух с кнутом и комиссар упомянуты только в мыслях и сне мальчика.

В сказке Есенина наблюдается гораздо более сложный способ композиционно-фабульной организации произведения, когда все внимание читателя удерживается всего лишь одним явным персонажем, а сюжетное движение происходит с помощью вариаций поведения мальчика, его мечтаний и сновидения. Если у Маяковского персонажи в определенной мере плакатны, их характеры изначально заданы родовой принадлежностью к разным социальным типам, то у Есенина выведен единственный герой с меняющимися внутренними переживаниями, с мечтой и ее совершенно неидеальной реализацией в сновидении, помогающем мальчику скорректировать свой предполагаемый жизненный путь и выработать новый идеал. Вероятно, в том числе и по этой причине Есенин отказался от завязки сказки как поездки деда с внуком, сохранившейся в черновом автографе (см. выше) [VII (2), 20]. Именно с помощью постоянно варьирующейся психологической нюансировки настроения и меняющихся мыслей пастушонка Пети сюжет оказывается увлекательным и поучительным.

Указание Маяковского о Петином папе — «Сластью в лавке торговал»³⁴ — Есенин мог сравнить со своей семейной историей: его отец тоже «торговал», служил приказчиком в мясной лавке купца Н.В. Крылова в Москве и хотя не имел собственного пятиэтажного дома, но тоже жил в городской комнате; и Есенин сам, став известным литератором, также проживал в московской квартире, но никогда не имел в собственности столичного жилья. Детей Есенина уже нельзя было назвать крестьянскими, они не посещали село Константиново при жизни отца; вероятно, еще и по этой причине поэт решил вспомнить собственное сельское детство с пастушеством и наделить им своего литературного героя.

³² Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина: Авторский жизнетекст на перекрестке культурных традиций. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 209. (Studia philologica)

³³ Маяковский В.В. Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий. С. 7.

³⁴ Там же. С. 4.

Если у Маяковского Сима вступает в октябрят, то Есенин-автор устами одушевленной березы предлагает Пете стать пионером, то есть подняться на более высокую ступень детской общественно-политической организации (чтобы возвыситься над художественной идеей поэта-соперника); также это решение могло быть связано с замыслом опубликовать произведение в журнале «Пионер», что и было осуществлено. Л.Л. Бельская указала, что «у Маяковского в раннем варианте были похожие строки: “Подрасти б чуть-чуть для меры / И годится в пионеры”»³⁵. Возможно, Маяковский читал «Сказку о Пете, толстом ребенке...» на каком-либо литературном вечере, где присутствовал Есенин и мог ее услышать в таком варианте: в журнале «Огонек» статья Б. Рустама Бека «Работа над детской книгой» проиллюстрирована фотографией с чтением автором произведения³⁶; в книге 1925 г. строк о пионерах нет, Сима стал октябреньком. Приведенные Бельской строки Маяковского взяты из белого автографа в записной книжке 1925 г., № 31³⁷.

Творческое соперничество Есенина с Маяковским прослеживалось на протяжении многих лет. В интервью «У С.А. Есенина (Беседа)», состоявшемся в мае 1922 г. (дата условна), за несколько лет до создания поэтом «Сказки о пастушонке Пете...», говорится: «Имажинисты отрицательно относятся к футуристам, в частности, к Маяковскому: “поэт с ограниченным дарованием”, нашедший свое полное выражение в плакатном творчестве» [VII (1), 346]. В стихотворении «На Кавказе» (сентябрь 1924) Есенин охарактеризовал Маяковского: «Есть Маяковский, есть и кроме, / Но он, их главный штабс-малыар, / Поет о пробках в Моссельпроме» [II, 108]. В то же время Есенин полагал необходимым состязаться в поэзии с Маяковским — доказательством этому можно считать его точку зрения на творчество собрата по поэзии, высказанную в интервью «У С.А. Есенина (Беседа)» А. В. (Ветлугина? Вольского?) в мае 1922 г. в Берлине для газеты «Накануне»: «Интересны характеристики отдельных поэтов, сделанные Маяковским. <...> а Есенину принадлежит первое место в поэзии, хотя он “представитель другой стихии”» [VII (1), 347]. Маяковский откликнулся статьей «Как делать стихи» (1926), большая часть которой посвящена анализу поэтического мастерства Есенина; по сути, это статья-некролог о талантливом поэте с разбором собственного стихотворения-посвящения «Сергею Есенину»³⁸.

Е.А. Есенина в варианте воспоминаний приводит случай, когда Маяковский пригласил к себе в гости Есенина³⁹. А.И. Безыменский, наоборот, вспоминал пе-

³⁵ Бельская Л.Л. Социальный заказ, или Две сказки для детей // Русская речь. 1993. № 4. С. 19.

³⁶ Рустам Бек Б. Работа над детской книгой // Огонек. 1925. 12 апреля. № 16. Б/с.

³⁷ Маяковский В.В. Варианты, разночтения и черновые автографы // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 10. С. 325.

³⁸ Маяковский В.В. Как делать стихи // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Худож. лит., 1959. Т. 12. С. 93–97, 102–111.

³⁹ Есенина Е.А. В Константиново. Ч. 1 и 2 // Есенина Н.В. В семье родной. М.: Совр. писатель, 2001. С. 237. Книга представляет библиографическую редкость (ее нет в РГБ и

риод в жизни двух поэтов, когда они не общались между собой, а он служил неким посредником, например, перед вечером пятилетия Госиздата, отмечаемым в Московской консерватории в 1923 г.: «После нескольких минут веселой общей беседы завязалась интереснейшая игра между Маяковским и Есениным. Поскольку они давно уже не разговаривали друг с другом, игра велась при моем содействии, “через меня”»⁴⁰.

Писатель Александр Лысов привел запись беседы с Леонидом Леоновым, случившейся до 2 ноября 1925 г. на квартире у Бениславской, то есть меньше чем через месяц после создания сказки. Прозаик описал душевное состояние поэта:

Есенин был в соседней комнате с Иваном Вольновым. <...> В его руках была надломленная гитара. Уловив из разговора, что речь идет о его самочувствии, досадно выкрикнул: «А вы, вы, как меня чувствуете!» Затем рванул струны гитары и, орудуя грифом, как кнутовищем, стал стегать пространство рядом с собой. Было жутко: будто он хлестал вокруг себя пучком оголенных нервов, в слепой сосредоточенности ожидая, то ли болью, то ли звуком отзовутся мелькающие струны...

В этом более символическом, чем биографическом, эпизоде мне почему-то всегда слышался отзвук сюжета, тревожившего Леонова, о библейском царе, заставившем хлестать плетью море за то, что оно поглотило и не возвращает назад царских сокровищ»⁴¹.

Этот эпизод напоминает фрагмент из стихотворения Есенина «Годы молодые с забубенной славой...» (1924), в котором автобиографический герой — ездок в метель, проезжающий мимо рощи, отбирает у ямщика управление лошадьми: «Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам»⁴²; но это было видение больного человека, оказавшегося на больничной койке.

др. главных библиотек страны); выражаем благодарность архивисту Н.М. Солобай за возможность ознакомления с нею.

⁴⁰ Безыменский А.И. Страница воспоминаний // День поэзии. 1968. М.: Сов. писатель, 1968. С. 155.

⁴¹ Лысов А.Г. Леонид Леонов о Сергее Есенине (из бесед с писателем) // Литературная учеба. 1996. Кн. 3. С. 102; см. также: Лысов А.Г. Березовый меридиан. Леонид Леонов и Сергей Есенин. Ульяновск: УлГТУ, 2005. 139 с.

⁴² Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1995. Т. 1 / подгот. текстов и коммент. А.А. Козловского. С. 177. Далее данный том цитируется в тексте в квадратных скобках, обозначен римской цифрой с указанием страницы.

История имени в сказке

Литературно-документальной основой сюжета Есенина также мог стать факт биографии Т.Г. Шевченко. Во вступлении «Тарас Григорьевич Шевченко (Очерк)» к «Кобзарю в переводе русских писателей» Шевченко (1900) сообщено о детстве художника и поэта, когда он пас домашнюю скотину:

После смерти мужа мачеха, чтобы избавиться от лишнего рта в доме, чтобы не видеть надоедливового ребенка, постаралась сбыть Тараса из дома: она нашла ему занятие — пасти свиней и телят Кириловских <из д. Кириловка> крестьян. С ломтем черного хлеба за пазухой, с кнутом в руках, мальчик целые дни проводил на пастбище, в степи, где только одни «могилы»-курганы «стоят и сумуют». Тарас любил эти безмолвные «могилы»; — ляжет на траву, подопрет голову ручонками и смотрит долго, долго в синюю даль...⁴³.

Это описание очень напоминает привычку Есенина погружаться в собственные мысли на старом кладбище, располагавшемся на высоком холме над р. Окой, у церкви Казанской иконы Божией Матери, ныне утраченном, кроме часовни и надмогильной плиты. Об этом написала сестра А.А. Есенина: «В правом углу кладбища, у самого склона горы, среди могильных камней, покрытых зеленоватым мхом и заросших крапивой, стояла маленькая каменная часовня, крытая тесом. Рядом с ней лежал старинный памятник — плита. На этой плите любил сидеть Сергей. Отсюда открывался чудесный вид на наши приокские раздолья»⁴⁴.

Есенин читал «Кобзаря» великого малороссийского (украинского) поэта XIX в. и написал «Село (Перевод из Шевченко)» (<1914>); в тот год широко отмечалось 100-летие со дня рождения этого поэта [IV, 62, 356–357]. Идею создать перевод фрагмента из поэмы «Княжна» (1858) для участия в конкурсе мог подсказать поэт и переводчик И.А. Белоусов, автор книги «Из Кобзаря» (1887) и составитель «Кобзаря в переводах русских писателей» Шевченко (1900, 1906); он познакомился с Есениным в первой половине сентября 1913 г. в Москве⁴⁵.

⁴³ Шевченко Т.Г. Кобзарь в переводе русских писателей. С биогр. очерком и портретом / под ред. И.А. Белоусова. М.: Изд-е книгопродавца М.В. Клюкина, Т-во типол-литогр. В. Чичерина, 1900. С. 5. Есть еще 2-е изд. (1906, испр. и доп.).

⁴⁴ Есенина А.А. Родное и близкое // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 56.

⁴⁵ Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. (7 кн.) / М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 1 / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; общ. ред. и вступ. слово Ю.Л. Прокушева; сост.: М.В. Скорыходов, С.И. Субботин; сост. разделов: Е.А. Самоделова, М.В. Скорыходов, С.И. Субботин, Л.М. Шалягинова, Ю.Б. Юшкин, при участии О.Л. Аникиной, Л.А. Архиповой, Н.Н. Бердяновой, В.А. Дроздова, Н.Г. Юсова. С. 171–172, 187. Далее указанный том цитируется как: Летопись, с указанием страницы в тексте после цитаты.

Есенин мог обратить внимание на «Петрушу» в переводе Н. Пушкирева из раздела III «Поэмы» в книге «Кобзарь в переводах русских писателей» (1900) с сюжетом о бедном мальчике, который в детстве пас скотину: «На том же хуторе росло / Дитя безродное; пасло / Свиной в селе; Петрушей звалось»; на следующий год Петрушенька занят ухаживанием за другими домашними животными — «ягнят / Пасет на жнитве мальчик бледный»⁴⁶. Далее пастушка взяла на воспитание молодая генеральша, приехала и отдала учиться в школу, затем отправила получать образование в пансионе в Киеве и по возвращении повзрослевшего юноши с дипломом («Уж господином и Петром / В село Петруша воротился»⁴⁷) влюбилась в него, решила продолжить жизнь с ним и потому отравила седого мужа; в итоге ни в чем не повинный Петр-герой взял вину на себя, был закован в кандалы и отправлен в Сибирь.

В поэме «Сотник» Шевченко (в переводе того же Пушкирева) имя Петруша носит сын заглавного героя-вдовца, получивший в бурсе в Киеве богословское образование и вернувшийся к старому отцу-казаку, где в него влюбилась девочка-подкидыш — красotka Настя, подростая отцовская невеста, бежала и венчалась с ним⁴⁸, а жизнь ее покровителя пошла прахом.

От духовного украинского фольклора, общего с русским из-за единой христианской основы, идет упоминание апостола Петра в «Кобзаре в переводах русских писателей» Шевченко — в разделе II «Баллады и мелкие стихотворения», в произведении № XI «В раю у Бога за дверями...», где описано странствие божественных персонажей по Земле — «А Бог с Петром по стогнам мира / Ходил в то время меж людьми»⁴⁹, подобно Миколу в одноименной маленькой поэме Есенина.

В романе-эпопее «Война и мир» Л.Н. Толстого действуют, по крайней мере, два тезки: Петя (Петруша) Ростов погибает на войне, Пьер Безухов (он тоже Петр) женится на его сестре Наташе; Пьер в юности в поисках смысла жизни вступил в масоны, а тема масонства интересовала Есенина⁵⁰.

Известно внимание Есенина к творчеству Льва Толстого: он увлекался вегетарианством и философским учением великого писателя — упомя-

⁴⁶ Шевченко Т.Г. Кобзарь в переводе русских писателей. С. 241–242.

⁴⁷ Там же. С. 244.

⁴⁸ Там же. С. 175, 177 и др.

⁴⁹ Там же. С. 94. № XI.

⁵⁰ Шубникова-Гусева Н.И. «Черный человек» Есенина, или Диалог с масонством // Российский литературоведческий журнал. 1997. № 11. С. 92; Шубникова-Гусева Н.И. Поэма-загадка. Масоны в творчестве Сергея Есенина // Ex Libris Независимой газеты. 1998. 1 апреля. С. 8; Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, 2001. С. 563–576; Самоделова Е.А. Московский имажинизм в «зеркале» одного документа // Русский имажинизм / отв. ред. В.А. Дроздов. М.: Лиор, 2003. С. 96–136, 457–465 (примеч.); Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина. С. 664–707 — глава 13 «Московский имажинизм в "зеркале" одного документа».

нул об этом в юношеском письме к М.П. Бальзамовой 9 февраля 1913 г.: «Теперь у меня есть еще новый друг, некто Исая Павлов, по убеждениям сходен с нами (с Панфиловым и мною), последователь и ярый поклонник Толстого, тоже вегетарианец»⁵¹. О пренебрежении Есенина внешностью в противовес размышлениям о духовности по примеру русского классика, о толстовстве «с его преклонением перед образом русского крестьянина» сообщал Н.А. Сардановский в первой редакции воспоминаний «На заре туманной юности...»⁵². В Спас-Клепиковской второклассной учительской школе, обучаясь в 1909–1912 гг. на учителя школы грамоты, будущий поэт должен был изучать «Азбуку», «Новую азбуку» и «Круг чтения» Л.Н. Толстого; 2-е издание последнего сборника (т. 1, 1911) имелось у Есенина в личной библиотеке⁵³. Поведение мальчика Пети в этих книгах часто получало негативную оценку. Так, в «Новой азбуке» Петя ударяется лбом о лоб друга, пытается отобрать игрушечного коня и бьет сторожевую собаку кнутом безо всякого повода⁵⁴. Вот эти примеры: «У Пети и Вани шла игра вот так: они будто овцы, били друг друга лоб о лоб. Игра была плоха: у Вани стала шишка на лбу, а у Пети шишка на глазу»⁵⁵. Второй сюжет: «Был у Пети и у Миши конь. Стал у них спор: чей конь. Стали они коня друг у друга рвать»⁵⁶. Третий сюжет: «Петя играл плетью и стал бить собаку. Мать сказала: “Зачем ты бьешь собаку, она уйдет и ночью некому нас стеречь будет”»⁵⁷.

Пока не найдено доказательств, что Есенин читал «Войну и мир», но имя писателя звучит в стихотворении «В час, когда ночь воткнет...» (<январь 1919>) в строке концовки: «Что нам Индия? Что Толстой?» [IV, 181]. В «Автобиографии» (20 июня 1924) поэт рассуждал о приоритете крестьянской России перед Америкой: «Это не то что небоскребы, которые дали пока что толь-

⁵¹ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1999. Т. 6 / сост. и общ. ред. С.И. Субботина; подгот. текстов и текстологич. коммент.: Е.А. Самоделова, С.И. Субботин; реальный коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, С.С. Куняев, Г. Маквей, Ю.А. Паркаев, Ю.Л. Прокушев, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Н.И. Шубникова-Гусева, Н.Г. Юсов. С. 31. Далее данный том цитируется в тексте в квадратных скобках и обозначен римской цифрой с указанием страницы.

⁵² Козловский А.А. Комментарии // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 455.

⁵³ Субботин С.И. Библиотека Сергея Есенина // Есенин на рубеже эпох: Итоги и перспективы: Материалы Международной научной конференции, посвящ. 110-летию со дня рождения С.А. Есенина / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева. М.: Константиново; Рязань: Пресса, 2006. С. 350; Евдокимова В.Ю. С.А. Есенин как последователь Л.Н. Толстого: педагогический аспект // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2016. № 4 (53). С. 87–98.

⁵⁴ Толстой Л.Н. Новая азбука. М.: Тип. и лит. А. Торлецкого и М. Терехова, 1875. С. 26, 34, 53 и др.

⁵⁵ Там же. С. 26.

⁵⁶ Там же. С. 34.

⁵⁷ Там же. С. 53.

ко Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.» [VII (1), 17].

Г.Л. Черняев, друг Г.А. Панфилова и ученик Спас-Клепиковской второклассной учительской школы, вспоминал о школьной поре: «Читали и обсуждали роман Л. Толстого “Воскресение”, его трактат “В чем моя вера?” и другие книги писателя. Мечтали побывать в Ясной Поляне (поездка не состоялась из-за денежных затруднений). Толстовские идеи сильно захватили тогда и Есенина. Однако сложившихся взглядов и убеждений у нас не было. Мировоззрение наше еще только формировалось»⁵⁸. В семье Есениных также велись разговоры о Льве Толстом, особенно в период выбора дальнейшего жизненного пути после окончания школы: «Дорогой мой, — говорил отец. — Знаю я Пушкина, Гоголя, Толстого и скажу правду. Очень хорошо почитать их. Но видишь ли? Это люди были обеспеченные. Посмотри, ведь они все помещики. <...> Ну где же тебе тягаться с ними?»⁵⁹.

Согласно «Программам лекций по литературе в рамках историко-философского цикла академического отделения Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского» в курсе «Русская литература середины XIX века» профессора П.Н. Сакулина на 1913–1914 академический год под пунктом 11 значилось: «Творчество Достоевского в эпоху шестидесятых годов. Л.Н. Толстой в ту же эпоху»⁶⁰. Л.М. Клейнборт вспоминал о Есенине, что «Толстого он знал преимущественно по народным рассказам»⁶¹. Также он сообщил в воспоминаниях о неизвестных фрагментах статьи ««О Глебе Успенском»» (условно 1915 г.): «В Толстом Есенину было ближе всего отношение к земле. То, что он звал жить в общении с природой. Что его особенно захватывало — это “превосходство земледельческой работы над другими”, которое проповедовал Толстой, религиозный смысл этой работы. Ведь этим самым Толстой сводил счеты с городской культурой. И взгляд Толстого глубоко привлекал Есенина. Однако вместе с тем чувствовалось, что Толстой для него барин, что какое-то расхождение для него с писателем кардинально»⁶².

Уменьшительно-ласкательная форма имени Петруша в какой-то мере является данью литературной традиции: помимо сказки Маяковского с персонажем Петей как отправной точкой, вспомним Петрушу Гринёва из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина — одного из любимых произведений Есенина, изучавшегося в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе по программе, а далее поэт обращался к пушкинской повести при создании «Пугачева» (март — август

⁵⁸ Прокушев Ю.Л. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. М.: Сов. Россия, 1978. С. 81.

⁵⁹ Есенин Е.А. В Константинове. Ч. 1 и 2. С. 215.

⁶⁰ Прокушев Ю.Л. Юность Есенина. М.: Моск. рабочий, 1963. С. 160.

⁶¹ Клейнборт Л.М. Встречи. Сергей Есенин // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 172.

⁶² Там же. С. 172–173;

1921 г.). В разделе программы по русскому языку «Практическое ознакомление при классном чтении образцов с главнейшими видами словесных произведений» на 3-й год обучения рекомендовалось: «Образец повести — “Капитанская дочка”»⁶³.

Из современной литературы Есенин мог обратить внимание на Петрушу из поэмы «Двенадцать» А.А. Блока (январь 1918 г.)⁶⁴. В то же время именно такая словообразовательная модель с суффиксом «-уш- / -юш-» оказывается не характерной для детских произведений Есенина, но единственной, помещенной внутри текста: сравните подзаголовки «Рассказ, посвященный сестре Катюше» в «Бобыле и Дружке» (<1914–1915>, по нашим данным).

«Сказка о пастушонке Пете...» была написана после пребывания Есенина в г. Баку в гостях у Петра Ивановича Чагина (наст. фамилия — Болдовкин), и имя этого уважаемого партийного и издательского работника, с которым дружил поэт, также могло в скрытом и шутилом виде отразиться в произведении.

Имя Петя (уменьшительное от полного имени Петр), выведенное в заглавии произведения, было важным для Есенина по ряду причин. Во-первых, оно являлось знаком отсылки к сказке Маяковского, показателем творческого соревнования с ним. Во-вторых, оно оказалось удачной аллитерацией в сочетании «пастушонок Петя». В-третьих, за ним стоит богатая библейская, начиная с апостола Петра, и литературная традиция (см. ниже). В-четвертых, библейская традиция нашла продолжение в церковном календаре — в названии праздника Петрова дня, Петровов, Петрова поста. В-пятых, христианская история получила осмысление в народном восприятии (в фольклорном сознании) и послужила основой для народных легенд и духовных стихов, чьи сюжеты про апостола Петра были распространены на Рязанской земле и опубликованы в книгах. Также на Рязанщине бытовали варианты календарной песни «Середь лета Петрова...», «Среди лета, лета Петрова...», а в с. Петровици Спасского уезда / района, где воспитывался Александр Разгуляев, — брат Есенина по матери, — «Посредине Петрова...»⁶⁵. В-шестых, имя Петр было значимым для русского народа и российской истории, начиная с Петра I, продолжая убиенным Петром III, в гибель которого народ, особенно старообрядцы, не верили, и имя этого императора принял на себя Е.И. Пугачев. В-седьмых, в сочинениях Есенина имя Петр встречается многократно, во

⁶³ Программы для второклассных школ. Изд. Училищного Совета при Святейшем Синоде. СПб.: Синодальная тип., 1907. С. 46.

⁶⁴ Благодарим С.И. Субботина (ИМЛИ РАН) за высказанное нам наблюдение.

⁶⁵ Самоделова Е.А. Традиционная и современная рязанская свадьба (Послевенчанальные ритуалы и мировоззренческие аспекты). Ч. 2 / Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2015. Вып. 56. Т. 2. С. 137, 225; Самоделова Е.А. Поэтика рязанского свадебного фольклора. Ч. 3 / Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2016. Вып. 56. Т. 3. С. 65–66; Устное народное творчество Рязанской области / Ученые записи РГПИ, труды кафедры русской литературы. М.: Просвещение, 1965. Т. 38. С. 47; Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: в 2 ч. М.: Энциклопедия рос. деревень; Народная книга, 1992. Ч. 2. С. 238–239.

все творческие периоды (см. ниже). В-восьмых, в роду поэта имелись старшие родственники с этим именем. В-девятых, в Рязанской губернии / области имеется по крайней мере одно селение с образованным от имени Петр названием, также вовлеченным в семейную биографию поэта, — село Петровицы Спасского уезда, где жил Александр Разгуляев (см. выше).

У Есенина был родной старший брат Петр (15 января — 19 ноября 1894 г.), умерший во младенчестве еще до рождения будущего поэта (Летоп. 1, 79). Дядю Есенина по материнской линии звали Петром Федоровичем Титовым (Летоп. 1, 78); о нем (в числе трех братьев) поэт написал в «Автобиографии» (20 июня 1924), не называя имени, как о «припадочном дяде» (ПСС 7 (1), 15). В воспоминаниях «В Константинове» Е.А. Есенина сообщила о непродуманном наказании дедушкой его младшего ребенка, приведшем к отклонению здоровья: «Сын его (дядя Петя) был еще в детстве напуган коровой. Ему было лет восемь, когда он провинился и, боясь гнева дедушки, не пошел кланяться ему в ноги, а спрятался на чердаке. Дедушка от такой дерзости рассвирепел. Он сам влез на чердак и, найдя сына, притаившегося в темном углу, взял его за шиворот и сбросил вниз»⁶⁶. Эта ситуация мальчика Пети с коровой могла подспудно отразиться в «Сказке о пастушонке Пете...», послужить ее документальным основанием. Е.А. Есенина поведала о дружбе брата с дядей: «Пять лет Сергей жил у дедушки Федора. Дядя Петя был первым другом Сергея, он учил его плести корзины, вырезать красивые палки, делать свистки»⁶⁷. А.Д. Панфилов привел имя-прозвище Петр-Рокаля, образованное по забавному ругательству дедушки, употреблявшего слово «Рокалия»⁶⁸. В воспоминании Е.А. Есениной важно упоминание Пети в связи с коровой, что могло запасть в детскую память будущего поэта и спустя десятилетия трансформироваться в противоположный по шкале «трусость — храбрость» сюжет — об управлении пастушонка Пети целым коровьим стадом.

Также Есенин, публикуя стихи в детском журнале «Мирок», мог обратить внимание на помещенный в № 5 за 1915 г. на титуле рисунок персонажа народного театра — «Петрушка в городском саду в Италии».

В повести «Яр» (<1915>) Есенина упоминается второстепенный персонаж в речи деда Иена Кавелина, которого мужики в сенокос вечером просят рассказать сказку, а тот ссылается на другого крестьянина: «Вот кабы вы Петруху Ефремова послушали, так он вам наврал бы — приходи любоваться» [V, 77]. Также в «Яре» имеется еще один крестьянин по имени Петр (упомянутый Петруха Ефремов или иной персонаж), с которым приведен разговор деда Иена Кавелина перед ссылкой в Сибирь: «Вяжи покрепче, Петро, — сказал он мужику, — а то

⁶⁶ Есенина Е.А. В Константинове // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 33.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан. Ч. 1. С. 119, 124.

левая рука выскочит. // — Ладно, — мотнул головой Петро, — ты больно-то не горячись, мы ведь для близиру» [V, 121]; далее этот Петро выступает наперекор приставу в защиту деда Иена и вынужден бежать [V, 122]. В повести выведен и помещик Борис Петрович, у которого крестьяне воруют лес, и в итоге они же его убили, а в результате дед Иен взял вину на себя [V, 109 и др.]. Двумя прототипами помещика выступили владелец дворянской усадьбы Иван Петрович Кулаков и его сын Борис, который стрелял из ружья в крестьянина, воровавшего яблоки из их сада, и попал за это под суд (Летопись. 1, 142–143).

В «Пришествии» с авторской датой «Октябрь 1917» (она может не просто обозначать время написания «маленькой поэмы», но и указывать на Октябрьскую революцию в связи с общим пафосом произведения) дважды звучит призыв к апостолу: «Симоне Петр... / Где ты? Приди» и «Симоне Петр... / Где ты? Зову!» [II, 49]. Там же упоминается «не Симон... / Простой рыбак» [II, 48]. Сюжет этой маленькой поэмы — авторский аналог новозаветного кульминационного эпизода страдания на кресте Христа, который теперь рожден Приснодевой Русью и пришел «из прозревшей Руси» [II, 46], но по-прежнему претерпевает предательство, и вместо апостола-рыбака к нему является похожий на него антипод Иуда — «рыжий рыбак» [II, 49–50]. С учетом уменьшительного имени Петя и народного присловья Петя-петушок значимой оказывается и фраза «С шеста созвездья / Поет петух» [II, 47], упоминание его третьей песни в ночи [II, 48] и мотив предательства Иудой Христа; вообще образ петуха в разных художественных контекстах (уже безотносительно к Петру) является частотным в творчестве Есенина⁶⁹.

В коллективном сценарии «Зовущие зори» (<1918>) М. Герасимова, С. Есенина, С. Клычкова и Н. Павлович фигурирует Петр Молотов, «обыкновенный квалифицированный рабочий» [V, 246 и др.], однако неизвестно, кто придумал имя этому персонажу. В поэме «Пугачев» заглавный герой вынужден принять прозвание умершего императора Петра III и рассуждает о целесообразности и одновременно о разрушительной роли чужого имени, обыгрывая его этимологию (Петр означает «камень»): «Что ей Петр? — Злой и дикой ораве? — / Только камень желанного случая» и «Послушайте! Для всех отныне / Я — император Петр!»⁷⁰. Далее происходит диалог Пугачева с Караваемым о новом подставном имени: «Нет, нет, я для всех теперь / Не Емельян, а Петр...» — «Да-да, не Емельян, а Петр...» [III, 28]; Пугачев сокрушается: «Больно, больно мне быть Петром, / Когда кровь и душа Емельяно-

⁶⁹ Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина. С. 574–622 (глава 10 «Петух — курочка — птица в творчестве Есенина в связи с русской духовной культурой и фольклором села Константиново»).

⁷⁰ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1998. Т. 3 / сост. и подгот. текстов Н.И. Шубниковой-Гусевой коммент.: Е.А. Самоделова, Н.И. Шубникова-Гусева. С. 27. Далее данный том цитируется в тексте в квадратных скобках, обозначен римской цифрой с указанием страницы.

ва» [III, 28]. Хлопуша поддерживает такой стратегический план: «Пусть он даже не Петр, / Чернь его любит за буйство и удаль» [III, 29].

Император Петр I выведен в поэме «Песнь о великом походе» (июль 1924), в ней он представлен основателем новой столицы государства и угнетателем трудового люда; в конце произведения оказывается «тенью Петра» [III, 116–138]. В поэме-пьесе «Страна Негодяев» (1922–1923) содержит кабак прежняя дворянка Авдотья Петровна, а в Киеве в «хорошо обставленной квартире» на стене висит «портрет Петра Великого», который оказывается важным атрибутом в детективном событии, и сцена носит название «Глаза Петра Великого» [III, 89–90, 103, 113]. Наконец, имя Петя и его вариант Петруша появляется в «Сказке о пастушонке Пете...», причем первое даже вводится в заглавие.

Ну и об апостоле Петре как привратнике рая, стоящем у его дверей с ключом и по божественному разрешению впускающем туда души праведников, может отдаленно напоминать название «Ключи Марии» (сентябрь — ноябрь 1918 г.). В с. Рождество Лесное Рязанской обл. и района в 1991 г. записана давняя студенческая песня, которая может восходить к бурсацкой: «Адам стучится в двери рая, / Апостол Петр ему в ответ» (запись Е.А. Самоделовой, тетр. 7). Есенин в «Автобиографии» (<1923>) говорит о Спас-Клепиковской второклассной учительской школе — «Учился в закрытой учительской школе» [VII (1), 11]; у него были друзья из числа выпускников духовных семинарий — например, С.Н. Соколов, Д.Н. Семеновский, Николай Колоколов⁷¹, и нельзя исключать его знакомства с фольклорными сатирическими песнями, духовными стихами и легендами об апостоле Петре как в устной передаче, так и по письменным источникам — хотя бы по «Народным русским сказкам», «Русским народным легендам» А.Н. Афанасьева. По объективным причинам, уже не давая простора фантазии, Есенин называет имя своего друга-поэта Петра Орешина в неопубликованной рецензии «О “Заре” Орешина» (<1918>) на его книгу [V, 184–185].

По данным на 1860 г., на Рязанщине «с Петрова дня начинаются сенокосы и продолжают в течение всего июля, после чего луга до глубокой осени делаются снова постоянным пастбищем рогатого скота, лошадей, свиней и пр.»⁷². В рассказе Есенина «У белой воды» (условно 1915 г.) это время указано как начало рыболовного промысла: «Рыбаки уплывали вниз по реке с Петрова дня вплоть до зимних холодов» [V, 147]. В повести «Яр» Наталья Карева, опечаленная гибелью

⁷¹ Соколов С.Н. Встречи с Есениным // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 135; Семёновский Д.Н. Есенин // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 152.

⁷² Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния / сост. М. Баранович. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1860. С. 202.

сына (как ей сообщили), навсегда покидает родной дом и супруга, отправляется с началом Петровского поста, за две недели до дня Петра и Павла, в паломничество в Киево-Печерскую лавру: «Утром, в Петровское заговенье, она истопила печь, насушила жаровню сухарей и связала их в холщовую сумочку» [V, 60].

Основанный Петром I город упоминается в «Яре» как Питер [V, 122], в «Песни о великом походе» — как Питер-град, Питер, Петроград [III, 117–118, 121, 124, 127–128, 131–132, 134, 137]. Есенин многократно посещал этот город и жил в нем, уходил оттуда в армию, когда он уже назывался Петроградом (в связи с Первой мировой войной, развязанной немцами) и Ленинградом — в память о первом руководителе советского государства. Очевидно, имеются еще упоминания города в художественном творчестве и эго-документах Есенина. Получается, что имя Петр у Есенина соотносится с историей Российской империи, причем с аллюзией на древнерусское летописание: историческое повествование в восприятии поэта начиналось с библейских событий, в частности — с апостола Петра.

Заметим, что у Есенина события, связанные с Петром-Петей и даже с посвященным двум апостолам днем Петра и Павла, оказываются негативными, трагическими (в «Пришествии», «Пугачеве» и др.) или бросающими тень на обладателя этого имени: в «Сказке о пастушонке Пете...» мальчик-подпасок пытается хотя бы в мечте-сновидении уклониться от обычного для его возраста крестьянского труда, от посильной помощи старшим.

Важным композиционным моментом, подчеркивающим значимость имени в структуре произведения Есенина — в ее опорных точках — в зачине и концовке, оказывается включенность имени-фамилии автора-сказочника в текст сказки, причем он выступает в определенной мере в роли лирического героя — более старшего и опытного по сравнению с главным героем-ребенком: «Пастушонку Пете / Трудно жить на свете» и «Написал ту сказку / Я — Сергей Есенин» [II, 173]. Подчеркнем, что здесь, как и в других произведениях с подобным приемом включения своего имени в художественную ткань произведения, Сергей Есенин из текста не равен реальному человеку Сергею Есенину, а относится к творимой автором поэтической условности. Прием вписывания собственного имени в сюжетную канву произведения, в сильную акцентную позицию концовки наблюдается и в других, более ранних произведениях: «Помяну тебя в дождик / Я, Есенин Сергей» — в стихотворении «Покраснела рябина...», 1916 [I, 101]; «С приветствием, / Вас помнящий всегда / Знакомый ваш Сергей Есенин» — в «Письме к женщине» (1924) [II, 125]⁷³. Эта традиция восходит к древнерусской литературе, когда автор мог быть анонимным или подписываться подлинным именем или прозвищем (напр., «Моление» Даниила Заточника, «О России в царствование Алексея Михайловича» Г.К. Котошихина и др.).

⁷³ Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина. С. 229.

Есенину могла быть близка позиция М. Морозкина из его «Славянского именослова, или Собрания славянских личных имен в алфавитном порядке» (1867): «Притом же личные имена народа несут мертвый материал языка, но постоянно обращающийся в устах народа, они употребляются народом как и всякое другое слово, они сделались корнями многих нарицательных имен, вошли в плоть и кровь языка, они слышатся в народных былинах, раздаются в старинной песне, повторяются в народной легенде, сказываются в сказке, поются в духовном стихе, звучат в именах местностей, гор, сел, дают себя знать в фамильных именах, преданиях, чародейских таинствах, знахарстве, в гербах шляхты польской, чешской, моравской, в печатях русских бояр»⁷⁴.

Пастушество в «Сказке о пастушонке Пете...», творчестве Есенина и в этнографии Рязанщины

Образ пастушонка и само его лексическое обозначение является уменьшительным производным от пастуха, возрастной характеристикой типичного профессионального сезонного (летнего) труда крестьянского мальчика, его помощи в качестве подпаска родителям или, скорее, нанятому обществом пастуху. Пастушеская тема (в том числе в ее женском аспекте) проходит по всему творчеству Есенина: «И кричали пастушки насмешливо» в стихотворении «Калики» (1910) [I, 37]. Характерная лексика встречается уже в зачатке стихотворения, озаглавленного по первой строке: «Я пастух. Мои палаты...» (1914) [I, 52]. В повести «Яр» <1915> и в рассказе «У белой воды» (условно 1915) также представлена пастушеская тематика. Подпасок Юшка является одним из второстепенных персонажей повести «Яр», в которой также упомянут пастух: «Прогнали, — сердито щелкнул кнутом на отставшую ярку пастух» [V, 70]. В стихотворении «О пашни, пашни, пашни...» (1917) пастушество вычленено из библейской истории и развито в отдельный сюжет, совмещающий время первых христиан с современностью лирического героя Есенина: «И пас со мной Исайя / Моих золотых коров» [I, 121]. В маленькой поэме «Иорданская голубица» (1918) указана атрибутика пастуха, которой наделен библейский персонаж: «С дудкой пастушеской в ивах / Бродит апостол Андрей» [II, 59]. В «Сельском часослове» (1918) пастушеская тематика продолжена в метафорически-символическом осмыслении: «Пастухи пустыни — / Что мы знаем?» [IV, 175].

Почитание пастуха особенно выражено в «Ключах Марии» (сентябрь–ноябрь 1918): «Вся языческая вера в переселение душ, музыка, песня и тонкая, как кружево, философия жизни на земле есть плод прозрачных пастушеских

⁷⁴ Морозкин М. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб.: Тип. 2 Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1867. С. 5.

дум. Само слово *пас-тух* <...> говорит о каком-то мистически помазанном значении над ним» [V, 189]. Из сонма библейских персонажей Есенин избирает тех, которые начинали свое служение с пастушества: «Я не царь и не царский сын, — я пастух, а говорить меня научили звезды», — пишет пророк Амос [V, 189]. И далее: «Без всякого Иовула и Вейнемейнена наш народ через простой лик безымянного пастуха открыл две скрытых силы воздуха вместе» [V, 190]⁷⁵.

В т. 2 «Собрания стихотворений» Есенина (1927) во вступительной статье А.К. Воронского (перепечатке работы 1924 г.) отмечена пастушеская тематика как ведущая, ставшая космической: «Поэт превращает небо в пастбище <...>»⁷⁶.

Однако сами крестьяне и сельская интеллигенция относились к пастушеству иначе — как к самому легкому труду, которым занимались беднейшие жители, не способные прокормиться выращиванием хлебных и других важных сельскохозяйственных культур. Н.П. Калинин, односельчанин Есенина, вспоминал о назидании учителя Константиновского земского училища И.М. Власова: «Бывало, скажет: “Надо учиться прилежно, чтобы вам пастухами не быть”. Известное дело, ведь тогда пастуха и за человека не считали»⁷⁷.

Н.И. Титов в воспоминаниях «Школьные годы Есенина» сообщал о ночном пастушестве будущего поэта, стерегшего коней: «Летом 1904 года мне и Сергею стали доверять лошадей — мы ездили в ночное на луга и “в очередь”. Ездить “в очередь” приходилось в Петровки, когда лошадей на луг не пускают перед покосом, а пасут на полях. Чтобы лошади не потравили рожь или овес, в помощь конюхам отправлялось ежедневно больше сотни мальчишек. Помогать конюхам было очередной обязанностью всех, кто имел лошадей. Отсюда и название — очередь»⁷⁸. Н.И. Титов поведал о ритуальной подростковой практике, существовавшей в начале пастушеского сезона: «В первый день выезда в ночное мальчишки выбирают атамана. Он будет за старшего. Но чтобы атаман не зазнавался, каждый мальчишка сразу после выборов должен ударить его в спину кулаком и локтем»⁷⁹.

Заметим, что в двух прижизненных публикациях «Сказки о пастушонке Пете...» название было немного другое — «Сказка о пастушке Пете...», оно не подкреплено употреблением такого определения сельской профессии в тексте, отсылает к несвойственному Есенину пасторальному жанру (за исключением упоминания «пастушек» в «Каликах») и, по-видимому, принадлежит редактору.

⁷⁵ Подробнее см.: Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина. С. 237–240 (главка «Мальчик-пастух как исторический сколок пастушества» в главе 4).

⁷⁶ Воронский А.К. Сергей Есенин // Есенин С.А. Собрание стихотворений. Л.: Госиздат, 1927. Т. 2. С. XXI.

⁷⁷ Калинин Н.П. В одном классе // Воспоминания о Сергее Есенине / под общ. ред. Ю.Л. Прокушева. М.: Моск. рабочий, 1965. С. 77.

⁷⁸ Титов Н.И. Школьные годы Есенина // Воспоминания о Сергее Есенине / под общ. ред. Ю.Л. Прокушева. М.: Моск. рабочий. 1965. С. 81.

⁷⁹ Там же; «очередя» — без кавычек.

Вообще о возможном вмешательстве редактора в произведение и, очевидно, о стремлении не допустить искажения текста свидетельствуют пометы Толстой-Есениной о цензуре: «“Пионер” для цензуры 2 экз. 1925 г.» [II, 453–454]. На нежизнеспособность пасторального жанра в советское время указывали Есенин и его друзья А.Б. Мариенгоф, В.Г. Шершеневич, Ник. Эрдман, Рюрик Ивнев в литературной декларации «Восемь пунктов» (<1924>) в пункте 3: «Маркизы, пастушки, свирели — каноны сентиментальной эпохи» [VII (1), 311].

Есенин как сельский уроженец прекрасно знал пастушеский образ жизни и описал свою дружбу с пастухами в «Автобиографии» (20 июня 1924): «Убегал дня на 2–3 в луга и питался вместе с пастухами рыбой, которую мы ловили в маленьких озерах <...>» [VII (1), 14]. Пастухи пасли разных домашних животных — лошадей, коров, овец и коз, а пастушки могли наблюдать за стадом гусей, выгонять их из крестьянской усадьбы и загонять обратно; в «Сказке о пастушонке Пете...» мальчик пасет коров, что соотносится с идеей Телицы-Руси и ее сына-младенца-телка — главных персонажей Третьего завета Есенина. Хотя поэт был осведомлен о мельчайших деталях пастушеского быта, однако, судя по воспоминанию товарища А.И. Мамонова и из-за работы отца приказчиком в мясной лавке московского купца Н.В. Крылова в Замоскворечье, его родительская семья была безлошадная.

А.И. Мамонов привел характерный эпизод из детства Есенина:

Любил Сергей погарцевать и поважничать, сидя верхом на лошади. Для подхлестывания лошади сплел он себе из веревки кнут, а для конца кнута требовалась хлопка, свитая из конского волоса, которой у него не было. Вот он и задумал выдернуть из конского хвоста волос, но неудачно. Однажды погнал я на водопой своих лошадей под гору на Оку, в это время Сергей стоял у крыльца своего дома и быстро подбежал к нашему мерину, а у него хвост был длинный. Ухватив мерина за хвост, Сергей хотел было выдернуть несколько волосков, но мерин так ловко брыкнул его задней ногой, и мой друг Серега кубарем отскочил в сторону и с душераздирающим визгом упал, держась от боли за живот. С этой поры Сергей никогда больше не пытался хватать лошадей за хвост» (Летоп. 1, 86 — со ссылкой на А.И. Мамонова).

Зато в большой семье его деда по материнской линии Ф.А. Титова лошади были — об этом известно из эго-документов: из фраз «Трех с половиной лет они <дядя> посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку» из «Сергея Есенина» (14 мая 1922 г.) и из дословного повторения в «О себе» (октябрь 1925 г.) [VII (1), 8, 18]; из «Автобиографии» (20 июня 1924 г.): «Он <припадочный дядя> меня очень любил, и мы часто ездили с ним на Оку поить лошадей» [VII (1), 15]. Красочное описание кнута с «кнutowищей» Есенин создаст в «Сказке о пастушонке Пете...».

Есенин удивлялся тому, как передавал В.А. Рождественский, что парижские эмигранты не знают русскую жизнь: «Один из них — рыхлый такой толстяк — спрашивает меня: “А правда, что вы пастухом были?” — “Правда, говорю, — что же тут удивительного? Всякий деревенский парнишка в свое время пастух”»⁸⁰.

Об особенностях пастушества в Рязанской губернии, в том числе в сравнительно недалеко расположенном от Константинова селе, рядом с селом Солотча, еще в середине XIX в. сообщали офицеры Генерального штаба, изучавшие губернию в этнографическом и военном отношении:

В пастухи нанимаются беднейшие из крестьян, не находящие другого способа содержать себя и семью, или увечные и неспособные ни к каким работам. <...> При большом стаде пастухи нанимают себе помощников (подпасков) из мальчиков <...>. В селе Аграфенина-Пустынь (Рязанского уезда) все промышленники, числом до 300, пастухи; ремесло это установлено здесь издавна и потому жители не тяготеют к нему и находят довольно выгодным. Обыкновенно с наступлением весны пастухи отправляются по деревням северных уездов (в Мещеру), где их всегда нанимают с охотою, как знающих свое дело⁸¹.

Рязанская помещица О.П. Семенова-Тян-Шанская на собранном ею материале Данковского уезда (на юге губернии) описывала условия становления пастухом крестьянского ребенка:

В пастухи или, лучше сказать, подпаски нанимают мальчиков лет с 10–12. Для найма подпаска к общественному («общественному») стаду существуют такие условия: мальчику платит пастух (из своего жалованья) за все лето (6 месяцев) 7–9 рублей деньгами, а кормится мальчик во все время своего найма из двора во двор. <...> Помещики нанимают подпасков за плату (на хозяйских харчах) от 8–12 рублей в лето (8 рублей получает подпасок при коровах, 10–12 получает стерегущий лошадей мальчик, табунщик)⁸².

Вскоре после кончины Есенина в путеводителе Рязанского государственного областного музея описывался экспонат — предмет, необходимый пастухам северной лесистой части губернии, где как раз жил поэт: «<...> жестяная пастушья

⁸⁰ Рождественский В.А. Сергей Есенин // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 114.

⁸¹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния / сост. М. Баранович. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1860. С. 353.

⁸² Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. Рязань: Рязанский гос. пед. институт, 1995. С. 33. (Репринт: Записки Импер. геогр. общ-ва по отделению этнографии. Т. XXXIX. СПб., 1914)

труба, характеризующая способ пастьбы скота в лесах, кустарниках и болотах, и составляющая необходимую принадлежность каждого пастуха. Пастушьей трубы нет на юге губернии, где скот пасется кучными стадами»⁸³.

Е.А. Есенина в варианте воспоминаний размышляла о важности пастушества как помощи крестьянского ребенка родителям: «Например, у моего соседа была коза, и козу эту надо было летом стеречь. Двенадцатилетний сын его ни за что не хочет стеречь один, но с кем-нибудь он охотно караулит весь день»⁸⁴.

В Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в 1909–1912 гг. Есенин имел прозвище — об этом вспоминал В.В. Знышев: «За ругань и проказы его в школе прозвали “Пастушком”. <...> А во время ругани школьники обращались к нему с такой иронией: “А ну, Сережка-пастушок, напиши-ка нам стишок”»⁸⁵. Когда Есенин переехал в город, он продолжал ассоциировать себя с пастухом как пасторальным персонажем и напоминал о себе в письме 1915 г. к Н.В. Рыковскому из Петрограда: «Может быть, Вы забыли желтоволосого, напоминающего пастуха на стене у Любви Никитичны» [VI, 76]⁸⁶.

Стилизованный облик под пастушка Леля из стихотворной сказки «Снегурочка» А.Н. Островского усматривали современники Есенина в его одеянии, причёске и фигуре, когда он появился в Петрограде в 1915 г. и носил нарочито театральный костюм *a la russe*⁸⁷. Н.Н. Асеев назвал Есенина «талантливым пастушонком»⁸⁸.

Е.А. Есенина в варианте воспоминаний «В Константинове» привела такое метафорическое сравнение, рассказывая об А.А. Берзинь и используя пастушескую тематику: «Стадо писателей и поэтов должно было пасться определенным пастухом, и каждый пастух (вождь) своей группы ревниво следил за своими подданными, и визит в чужую редакцию считался изменой»⁸⁹.

⁸³ Рязанский государственный областной музей. Путеводитель. Рязань: [Гостиполитография], 1926. С. 53.

⁸⁴ Есенина Е.А. В Константинове. Ч. 1 и 2 // Есенина Н.В. В семье родной. С. 245.

⁸⁵ Цит. по: Чистяков Н. Королева у плетня. Орехово-Зуево: Упрополиграфиздат Администрации Моск. обл., 1996. С. 85–86; то же: Архипова Л.А. Есенин сочиняет и поет частушки // «У меня в душе звенит тальянка...»: Частушки родины Есенина — села Константинова и его окрестностей. Фольклорное исследование Лидии Архиповой, главного хранителя Государственного музея-заповедника С.А. Есенина. Челябинск: АЛ. Казаков со товарищи, 2002. С. 37.

⁸⁶ Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина. С. 237.

⁸⁷ Самоделова Е.А. Есенин в образе Леля и пастушка: рецепция личности писателя его современниками // Современное есениноведение. 2025. № 1 (72). С. 15–21.

⁸⁸ Асеев Н.Н. «Избяной обоз» (О «пастушеском» течении в литературе наших дней) // Печать и революция. 1922. № 8. С. 43.

⁸⁹ Есенина Е.А. В Константинове. Ч. 1 и 2 // Есенина Н.В. В семье родной. С. 234.

Образы деда с внуком и комиссара
в «Сказке о пастушонке Пете...» и ее варианте

Есенин отказался от зачина в черновом автографе «Сказки о пастушонке Пете...»: «Ехали дед с внуком / На базар за луком» — возможно, из-за напоминания этой пары героев, выведенных во многих его стихотворениях и маленьких поэмах: в «Октоихе» (август 1917 г.); «К теплему свету, на отчий порог...», «Не от холода рябинушка дрожит...» и «Заря над полем — как красный тын...» (все — <1917>); в варианте «Иорданской голубицы» (20–23 июня 1918 г.); в «Сельском часослове» (<1918>); в «Пантократоре» (февраль 1919 г.); в «Возвращении на родину» (1 июня 1924 г.); в «Письме деду» (декабрь 1924 г.); в стихотворении «Синий туман. Снеговое раздолье...» (24 сентября 1925 г.); в «Письме к сестре» и «Моем пути» (оба — <1925>). Еще одной причиной отказа поэта от образа *внука* является его типичность для творчества Есенина, причем он объединяет обычного мальчика с младенцем Христом или с обобщенным персонажем народного православия (вместе с древней языческой основой), с наследником былинных богатырей, что противоречило бы сути пастушонка Пети — советского мальчика.

Фольклорный, в том числе эпический, и христианский подтексты, связанные с парой — дед и внук — улавливаются в дореволюционных и, реже, в отдельных советских сочинениях Есенина, в строках: «Вырос я до зрелости, внук купальской ночи» в стихотворении «Матушка в Купальницу по лесу ходила...» (1912 или 1916?) [I, 29]; «Ой ли, внуки Васькины, правнуки Микулы!» в «Марфе Посаднице» (1914) [II, 7]; «Ждут на крылечке бабка и дед / Резвого внука подсолнечных лет. / Строен и бел, как березка, их внук» и «Светлая Дева в иконном углу <...> / Держит их внука она на руках» в стихотворении «К теплему свету, на отчий порог...» (1917) [IV, 159]; «О месяц, месяц! / Рыжая шапка моего деда, / Закинутая озорным внуком на сук облака» в «Сельском часослове» (1918) [IV, 173]; «Добро, мой внук, что не узнал ты деда!» в «Возвращении на родину» (1924) [II, 90] и др.⁹⁰

Как уже сообщалось, в «Сказке о пастушонке Пете...» внук упоминается в черновом автографе (частное собрание) в первой строфе, начертанной перед 1-й строкой во II слое правки, затем вычеркнутой Есениным: «Ехали дед с внуком / На базар за луком» [VII (2), 20]. По наблюдению С.И. Субботина⁹¹, поэт начал сказку с житейской ситуации, а потом решил сократить бытовой крестьянский контекст и, наоборот, усилить политический контекст с введением образа комиссара; также этот герой является знаковым для начала советской эпохи. Та-

⁹⁰ Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина. С. 158, 176, 179, 219, 314, 338, 537.

⁹¹ Благодарим С.И. Субботина за ценное наблюдение, высказанное на заседании Есенинской группы ИМЛИ РАН 11 октября 2022 г.

кие изменения текста произведения произошли во время написания автографа, однако также вероятно, что Есенин изначально замыслил коллизию между деревенским мальчиком и комиссаром, между привычной патриархальной сельской жизнью и недавно внедренным в нее представителем советской власти, хотя противоборства героев нет и даже их взаимоотношения являются воображаемыми, перенесенными в условное пространство сновидения.

Интересно, что если заглавный герой-ребенок имеет имя, то его идеал — комиссар — представлен лишь своей должностью и обрисован очень обобщенно, причем явлен во сне мальчика и, соответственно, через его восприятие. Между тем сестра поэта Е.А. Есенина позже писала в воспоминаниях о событиях 1918 г. в селе Константиново и среди уроженцев села усматривала прототип персонажа:

Руководит всем Мочалин Петр Яковлевич, наш односельчанин, рабочий колменского завода. Во время революции он пользовался в нашем селе большим авторитетом. Наша константиновская молодежь тех лет многим была обязана Мочалину, да и не только молодежь.

Личность Мочалина интересовала Сергея. Он знал о нем все. Позднее Мочалин послужил ему в известной мере прототипом для образа Оглоблина Прона в «Анне Снегиной» и комиссара в «Сказке о пастушонке Пете»⁹².

Имя Пети-пастушонка и реального комиссара (одним из его прототипов оказался Петр Мочалин) во сне мальчика отразились в литературной сказке (напомним: у Есенина был дядя Петр Федорович Титов). Действия персонажей произведения отсылают к реальным сельским событиям:

Наш народ ведь голый,
Что ни день, то с требой.
То построй им школу [II, 171].

Е.А. Есенина вспомнила подобный эпизод, в котором отражена полемика брата с П.Я. Мочалиным:

В 1918 году Сергей часто приезжал в деревню. Настроение у него было такое же, как и у всех, — приподнятое. Он ходил на все собрания, подолгу беседовал с мужиками. <...> И Нюшка, волнуясь, с удовольствием продолжала. — Знаешь, Мочалин говорит: надо буржуйское гнездо разорить так, чтобы духу его не было, а ваш Сергей взял слово и давай его крыть. Это, говорит, неправильно, у нас нет

⁹² Есенина Е.А. В Константинове // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 49.

школы, нет больницы, к врачу за восемь верст ездим. Нельзя нам громить это помещение. Оно нам самим нужно! Ну и пошло у них.

Через год в доме Кашиной была открыта амбулатория, а барскую конюшню переделали в клуб⁹³.

Можно предположить, что прототипом комиссара также послужил родной отец поэта. Е.А. Есенина в воспоминаниях «В Константинове» сообщала о новой должности отца, вернувшегося из Москвы в 1918 г. или чуть позже из-за ухудшения состояния здоровья: «Он устроился работать в волисполком делопроизводителем. Кроме жалованья ему дают тридцать фунтов муки. С хлебом и у нас теперь плохо — неурожай.

В селе у нас организовали комитет бедноты. Председателем выбрали Ивана Владимировича Уколова. Отца выбрали секретарем комитета бедноты»⁹⁴.

Если пастушонку Пете снится, будто комиссар должен собирать оброк, то А.Н. Есенин, наоборот, распределял муку между бедняками, а про себя с семьей он говорил — «мы получаем хлеб за мою работу в волости, у нас есть корова, поэтому мы считаемся середняками»⁹⁵. При создании «коллективного огорода» в селе Федякино А.Н. Есенин контролировал ход сельскохозяйственных работ: «Отец вел весь учет. Он следил за очередью лошадей, он отмечал, кто сколько дней работал, выписывал семена и распределял урожай. “Вот это хорошее дело, — говорил он, — каждый делает, что может, на что способен. Так жить можно!”»⁹⁶. И далее: «Отец по-прежнему работает секретарем комитета бедноты, это хорошо для него, он хоть какую-то пользу приносит людям, и люди уважают его. К нам часто заходят мужики. Они ведут с отцом беседы о странной, непонятной жизни, иногда просят его написать какое-нибудь ходатайство в сельсовет»⁹⁷.

В другом варианте воспоминаний Е.А. Есенина также уделила внимание новой должности отца в селе:

Основная работа отца была в волисполкоме. Он работал делопроизводителем. И общественная работа была по комитету бедноты. Он был секретарь комитета бедноты. Председателем был партийный бедняк малограмотный, вечно пьяный и крикливый мужичишко по прозвищу Чортик. Отца нашего он уважал, как и все его уважали за выдержанность и справедливость, и вся работа ложилась на нашего отца, и все бежали к нам. У нас появилась новая кличка: вместо Монашкиных нас стали звать Комитет бедноты. «Это чья девка-то?» — «Да Комитета бедноты,

⁹³ Там же. Т. 1. С. 49–50.

⁹⁴ Там же. С. 49.

⁹⁵ Там же. С. 50.

⁹⁶ Там же. С. 50–51.

⁹⁷ Там же. С. 52.

Александра Микитича», — такое прозвище мне совсем не нравилось, хоть я и была комсомолкой, а мать ворчала: «Люди где-нибудь поближе к амбарам пристраиваются, а наш милый задаром за бумагой чахнет, вот бесталанный»⁹⁸.

И еще фрагмент варианта воспоминаний Е.А. Есениной о ее детстве в селе Константиново при советской власти, когда из Москвы вернулся отец:

Ребята вечером, подмигивая мне, пели частушки, намекая на должность отца: «Был Николашка, была у нас Катька». — «Ты что же это делаешь-то? — ругалась мать. — Люди по твоей записке получают кто пуд, кто два пуда, а мне дают только 30 фунтов. Выслужиться хочешь, а нам жрать нечего: на четверых 30 фунтов, ешь как хочешь. Я 30 фунтов получаю за работу каждый месяц, а эти получают два пуда, и жди еще, когда будет. Это ведь единовременная помощь бедным.

Богач какой сидит, ему единовременно надо, он (хоть и дурак, да честный), а я вчера зашла к сестре твоей, они чай с сахаром пьют и белые пышки в сметане кушают. Пусть Федор дворником был, зато теперь как князь живет. И в волости шишка, не тебе чета». — «Доворется Федор, — погоди завидовать»⁹⁹.

И далее пересказывался разговор о противопоставлении справедливых начальников и безразличных к подчиненным:

— Касьян, отец-то ваш, ведь люди мига его боялись. Двадцать человек молодцов — все как один вставали, когда он появлялся. А он: «Кто я, идет?» По одному его слову человек выбрасывался с работы.

— Ну зачем врешь? Никогда никого я не обидел. Нет такого человека, кому бы я не мог посмотреть в глаза и чтобы мне стыдно его было. Сколько я чужих детей выучил и воспитал! Я пальцем никого никогда не ударил. Помнишь Ленку? Я его больного столько лет держал и в люди вывел. Хозяйка не раз грозила выгнать его, а я довел его до дела. Теперь он мастер. Лучше его никто скота не закупит, а торговаться я сам так не умел никогда¹⁰⁰.

Мотив сновидения в «Сказке о пастушонке Пете...»

Мотив *сновидения*, который видит заглавный герой «Сказки о пастушонке Пете...», является важным философским элементом мировоззрения Есени-

⁹⁸ Есенина Е.А. В Константинове. Ч. 1 и 2 // Есенина Н.В. В семье родной. С. 223.

⁹⁹ Там же. С. 223–224.

¹⁰⁰ Там же. С. 224–225.

на с юности и отражен в ряде сочинений. О сне как душевном прозябании поэт неоднократно сообщал другу юности Г.А. Панфилову в письмах из Москвы: «Так жить — спать и после сна на мгновение сознаваться, слишком скверно» — до 18 августа 1912 г. [VI, 13]; «Печальные сны охватили мою душу. <...> Все сформировавшиеся надежды рухнули, мрак окутал и прошлое и настоящее» — август — начало (?) сентября 1912 г. [VI, 16]; «Тебя оскорбило то, что я сказал: “Что вы спите”» — середина (?) декабря 1912 г. [VI, 26].

В фольклорной картине мира крестьян сон является самостоятельным жанром, соотносящимся с гипотетической возможностью прогнозировать будущее и пересекать границу здешнего и потустороннего миров, общаться с бестелесными сущностями и духами, встречаться с умершими предками, внимать божественным персонам; также сон оказывается важным конструктивным включением в жанровой разновидности — в волшебной сказке. И в «Сказке о пастушонке Пете...» присутствует такой философский и фольклорно-прогностический смысл (помимо функции сна как самостоятельного включения в сказочный сюжет — см. ниже).

Сон как литературный жанр и как фрагмент крупного произведения явлен в творчестве А.М. Ремизова (например, во «Взвихренной Руси», 1927, в том числе со сведениями о Есенине), с которым поэт был знаком по крайней мере с 1915 г., сообщил ему три легенды о Николае Угоднике (Ремизов включил их в «Николины притчи»), дружил с его семьей, подарил супруге свою книгу с дарственной надписью [VII (1), 28, 338–342]. Сон как конструктивный элемент повествования более объемного жанра встречается и в классической литературной традиции (например, сон Татьяны Лариной в романе в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, четыре сна Веры Павловны в романе «Что делать?» Н.Г. Чернышевского и т. д.), что было известно Есенину.

Возможно, в память Есенина с юности запал мотив сна о детском пастушеском занятии, представленный в «Думах и песнях» в «Кобзаре» Т.Г. Шевченко — например, в переводе И.А. Белоусова, под номером XVIII:

Мне снилось: снова я ребенок,
Пасу ягнят за селом;
На небе солнышко сияет,
Светло и весело кругом.
И мне так радостно, что словно
Не на земле я, а в раю.
Давно позвали уж обедать,
А я в бурьяне все стою, —

Невинной детскою душою
Молюся Богу в тишине <...>¹⁰¹.

Далее лирический герой Шевченко, являющийся его alter ego, проснулся и не находит ни родного села, ни хаты, однако мотив пастушества повторяется на новом жизненном этапе: появившаяся девица приласкала паренька, и они вместе, как в детстве, стали пасти ягнят. Однако лирический герой, как и пастушок Петя, отделяет сон от яви и восклицает: «То бред и сон!», тоже недовольный своей судьбой¹⁰². Конечно, Есенин, как Шевченко, а также его герой-пастушок и пастушонок Петя из собственной сказки, мог предаваться воспоминаниям о детском пастушестве, но не рефлексировал по поводу этого занятия; наоборот, он предлагал своему герою последовательно ставить и реализовывать новые жизненные цели.

Строки «Чай, конечно, сладок, / А с вареньем — дважды» [II, 171] полны иронии и основаны на одном из трех моментов из истории чая в жизни русских крестьян. Возможно, базируются на незнании крестьянским ребенком подлинного вкуса чая: определение сладости чая в представлении мальчика, скорее всего, является желанной мечтой о вкусном дорогостоящем напитке, который недоступен и незнаком крестьянам, выступает своеобразным показателем «сладкой» жизни, в идеале — городской. Но можно допустить и, наоборот, мечту о вкушении чая с избыточной сладостью, что ребенок мог наблюдать и даже пробовать у более зажиточных крестьян, например — у кулаков, когда в чайный напиток клали сахар и рядом с чашкой ставили еще и розетку с вареньем (по нашим наблюдениям, такая привычка действительно имеется у некоторых современных выходцев из Рязанщины, живущих в Москве); если бедняки и пили чай в 1920-е гг., то вприкуску с колотым кусочком сахара. Также вероятно, что мальчик о сладости чая ошибочно судит по сладковатому морковному чаю, служившему в 1920-е гг. популярным суррогатным напитком. Здесь звучит аллюзия на широко распространенное на Рязанщине фольклоризованное стихотворение-песню «Раз прислал мне барин чаю / И велел его сварить, / А я отроду не знаю, / Как проклятый чай варить»; в итоге слуга-крестьянин приготовил напиток неправильно, был наказан помещиком и сделал вывод: «Уж потом я догадался, / Что забыл чай посолить» (Записи Е.А. Самоделовой. Тетр. 7 — Трушечкин М.Ф. (1901–1992), родом из с. Б. Озёрки Рязжского уезда (ныне Сараевского района), записано в Москве в 1980-е гг.). Образ чая включен в общую картину жизни со всякими благами: «Петя комиссаром / На своей квартире / С толстым самоваром. // Чай пьет на террасе» [II, 170–171], — и здесь также наблюдается несо-

¹⁰¹ Шевченко Т.Г. Кобзарь в переводе русских писателей. С. 43.

¹⁰² Там же.

ответствие: терраса имеется у дома — помещичьего или хотя бы дачного, но не является частью квартиры. Есенин с помощью таких нелогичностей подчеркнул два момента: плохое знание сельским ребенком особенностей городского быта и пребывание мальчика в состоянии сна, для которого свойственно переплетение реальных деталей с фантастическими, сочетание элементов одного смыслового ряда с компонентами другого.

Адресация «Сказки о пастушонке Пете...» детям и их восприятие

Известно одно воспоминание младшей современницы Есенина — Г.А. Воронской (1914–1991), дочери А.К. Воронского — о воздействии на нее «Сказки о пастушонке Пете...», написанное в начале 1950-х гг.:

Другой вечер, опять не помню никого из присутствующих, кроме Есенина. Он недавно вернулся из Баку и читал еще неопубликованные (кажется, «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» и «Улеглась моя былая рана, пьяный бред не гложет сердце мне»). <...> Конечно, я тогда много еще не понимала, но ритм стихов, лиричность, подлинная поэтическая взволнованность, блестящее умение читать свои произведения действовали и на меня. Есенин, очевидно, заметил это и шутя как-то спросил меня: нравятся ли мне его стихи. Я ответила, что очень нравятся.

Тогда он сказал: «Теперь я прочту стихи специально для Галочки: “Сказку о пастушонке Пете”. Ты знаешь эти стихи?»

Я этого стихотворения не знала. Есенин взял стул, сел около меня и прочитал эту детскую сказочку, напечатанную к этому времени в журнале «Пионер». После лирических стихов сказка мне понравилась меньше, но я покривила душой и сказала, что мне очень нравится. Есенин рассмеялся и отошёл к взрослым¹⁰³.

Г. Окский вспоминал: «<...> Есенин любил детей искренне, от всей души.

Когда поэт шел по улице, то часто оглядывался на ребят, бросал им на ходу ласковое словцо, шутку. <...> Разговаривал Есенин с малышами не сюсюкая, а как равный с равным, как старший и преданный друг. Это было ему легко, ибо в самом поэте было столько доброго, детского озорства»¹⁰⁴.

Фольклорист В.В. Коржан, со ссылкой на журнальный вариант «Встреч с Сергеем Есениным» Н.К. Вержбицкого в журнале «Звезда» (1958, № 2, с. 169), описал особую расположенность Есенина к ребятишкам, выражавшуюся в том

¹⁰³ Воронская Г.А. Воспоминания // Время и мы. Нью-Йорк, 1992. № 116. С. 262.

¹⁰⁴ Окский Г. Есенин и дети // Есенин.ру. URL: <http://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/okskii-g-esenin-i-deti> (дата обращения: 28.05.2024).

числе в художественном творчестве: «Примечательно и то, что, когда поэт был среди детей, он “пел для них тут же сочиненные частушки”, вероятно, считая, по впечатлениям своего детства, что эта форма фольклорного жанра будет им наиболее доступной и понятной»¹⁰⁵. Неслучайно «Сказка о пастушонке Пете...» написана стихами, как литературные сказки А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, П.П. Ершова и др., продолжая на новом уровне песенно-речитативную манеру сказывания фольклорных сказок.

Л.Л. Бельская полагала, что в «Сказке о пастушонке Пете...» Есенин «учил любить свое дело, не завидовать начальникам и жить в согласии с собой, с людьми, с природой»¹⁰⁶. Л.В. Занковская дала оценку сказке Есенина послереволюционного времени, отмечая отсутствие «какого-либо классового антагонизма, особенно опасного для детской психики. Сказка по-прежнему пронизана гуманизмом, она как бы открывает глаза детей в их внутренний, интимный мир, стараясь пробудить в нем добрые, духовные начала. И в этом плане Есенин, создав сказку для детей в советский период, не прервал в ней народных традиций, а обогатил и развил их новым содержанием и формой...»¹⁰⁷.

Современные исследователи-горожане, далекие от сельского быта, уже не представляют важность помощи крестьянских детей родителям по хозяйству, что составляло основу воспитания. Они усматривают в реалистическом содержании произведения словно бы завуалированный подтекст, своеобразный эзопов язык: «Бесправное, бедственное положение простого народа ярко выражено в образе главного героя повествования — пастушонка Пети. Его доля тяжела и незавидна: вместо ярких увеселений детства мальчику днями напролет приходится пасти непослушных коров»¹⁰⁸. Е.Ю. Дрожжина слышит «голос авторского сочувствия и сострадания к Пете»¹⁰⁹ там, где Есенин иронизирует. Безусловно, детям свойственно брать пример со старших и мечтать о будущей профессии, и в эту психологическую схему вполне укладывается сон Пети о том, как он стал комиссаром. Однако Есенин делает назидание, исходя из традиционной сказочной морали, выраженной Пушкиным в «Сказке о золотом петушке» (1834): «Сказка — ложь, да в ней намек! / Добрым молодцам урок!»¹¹⁰. Есенин завершает сю-

¹⁰⁵ Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. С. 45.

¹⁰⁶ Бельская Л.Л. Социальный заказ, или Две сказки для детей // Русская речь. 1993. № 4. С. 20.

¹⁰⁷ Занковская Л.В. «Большое видится на расстояньи...» С. Есенин, В. Маяковский, Б. Пастернак. М.: Флинта, 2005. С. 122.

¹⁰⁸ Дрожжина Е.Ю. Недетские темы в советской сказке С.А. Есенина «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2017. № 2, Ч. 2. С. 43.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Пушкин С.А. Сочинения А.С. Пушкина. Полн. собр. в одном томе. 5-е изд. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1899. Стб. 180.

жет сказки наставлением, высказанным березой: «Будь ты лучше, Петя, / Раньше пионером» [II, 173].

Роль березы в русском фольклоре и этнографии и в творчестве Есенина

Думается, что образ березы является неслучайным в «Сказке о пастушонке Пете...», тем более что это деревце выступает в роли наставника, учителя. Символика березы проходит через все творчество Есенина, начиная со стихотворения «Береза» (<1913>) и видоизменяясь с пейзажного элемента до символического персонажа, преимущественно женского, иногда просто очеловеченного, совсем юного или уже прожившего жизнь. В стихотворении «Мне грустно на тебя смотреть...» (1923) душевная боль светится в стихах — «Как кладбище, усеян сад / В берез изглоданные кости» [I, 195].

Ю.Л. Прокушев привел сообщение Г. Черняева, ученика Спас-Клепиковской второклассной учительской школы, о любимом месте отдыха поэта среди березок, растущих рядом с селом Спас-Клепики, ставшим впоследствии городком и районным центром: «Возле города, — вспоминает один из товарищей Есенина, — тогда была березовая роща. Сюда мы часто ходили читать и мечтать»¹¹¹.

М.П. Мурашев передал биографический эпизод, когда он рисовал пером с чернилами две березки на берегу обрыва над рекой, вспоминал вопрос Есенина и его реакцию на ответ: «Березки как будто», — передавая ему альбом, сказал я. Сергей взял из подставки карандаш и на рисунке написал: «Это мы с тобой. С. Е.»¹¹².

Образ березы свойственен поэзии и прозе Есенина; это дерево выступает во многих художественных ипостасях:

1) как деревце родного пейзажа в «Березе» — «Белая береза под моим окном / Принакрылась снегом, точно серебром» [IV, 45]; в «Ленине (Отрывке из поэмы "Гуляй-поле")» (1924) весна показана как «В деревьях березь, в цветъ — подснежник» [II, 144];

2) в составе архитектурно-сложной постройки — в поэме «Путачев» (март-август 1921) — «Как березовые купола / В лесной обители» [III, 31]; в «Возвращении на родину» (1 июня 1924) позиционируется — «Где каланчой с березовую вышкой / Взметнулась колокольня без креста» [II, 89];

3) как иносказание девушки — в черновом автографе (ИМЛИ) стихотворения «Зеленая прическа...» (1918<,> 2 авг. ст. ст.) прямо звучит обращение

¹¹¹ Прокушев Ю.Л. Юность Есенина. 1963. С. 71 — с отсылкой: Черняев Г. Он любил русскую природу // Новая Мещера. 1960. № 119.

¹¹² Мурашев М.П. Сергей Есенин // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 197.

«О девушка-березка, / Что стынешь на ветру?» [I, 324]; такое же утверждение в «Письме к сестре» (<1925>) — «Девушки-березки!» [II, 157]; в «С добрым утром!..» (<1914>) — «Улыбнулись сонные березки, / Растрепали шелковые косы» [IV, 66]; в «Прячет месяц за овинами...» (<1914–1916>) весна «На березки в роще теневой / Серьги звонкие повесила» [IV, 88]; в маленькой поэме «Микола» (1915) заглавный герой «Под березкою-невестой <...> Утирается берестой, / Словно мягким рушником» [II, 13]; «В багровом зареве закат шипуч и пенен...» (<1916>) — «Березки белые горят в своих венцах» [IV, 145]; в «Моем пути» (<1925>) — «Зеленокошая, / В юбчонке белой / Стоит береза над прудом. <...> Чудная... А груди... / Таких грудей / У женщин не найдешь» [II, 164]; в «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» (<1925>) герой утверждает — «Ты, моя ходячая березка, / Создана для многих и меня» [IV, 242]; в «Кобыльих кораблях» (сентябрь 1919 г.) появляется образ загорелой и, возможно, стареющей женщины — «Злой октябрь осыпает перстни / С коричневых рук берез» [II, 79]; в стихотворении «Снежная равнина, белая луна...» (4/5 октября 1925) показан одетым в саван символический пейзаж и по невяному покойнику причитают женщины в старинном белом трауре — «И березы в белом плачут по лесам» [IV, 232]; в стихотворении «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» (28 ноября 1925 г.) герой признается — «Как жену чужую, обнимал березку» [IV, 233];

4) как характерная черта Родины (и «малой родины»), причем с перенесением на нее женских образов и деталей родного Отечества, наблюдаемого в облике других стран: в стихотворении «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921) — «И страна березового ситца / Не заманит шляться босиком» [I, 163]; в поэме «Пугачев» (март — август 1921) сторож объясняет — «И березами заплаканный наш тракт», а казак Зарубин удивляется — «Не березовая ль то Монголия?» [III, 10, 34].

Мы привели не все, а лишь самые яркие вариации образа березы у Есенина. Имеется еще ряд описаний берез, соотносящихся со среднерусским пейзажем: в стихотворении «Вот уж вечер. Роса...» (1910) сообщено — «И березы стоят, / Как большие свечи» [I, 15].

Особое внимание хочется обратить на стихотворение «Снежная равнина, белая луна...» (4/5 октября 1925 г.) с выразительным образом снега как савана, где тоже фигурируют березки, но уже как плачей: «И березы в белом плачут по лесам. / Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?» [IV, 232]. Через несколько дней, 7/8 октября 1925 г., Есенин напишет «Сказку о пастушонке Пете...», которая тоже завершается образом плачущей березки.

В тот же год было написано стихотворение «Неуютная жидкая лунность...» (<1925>), в котором лирический герой обращается к «Полевой России» с требованием преодолеть техническую отсталость, и апеллирует он к деревьям, в том числе к березкам как символу Родины: «Нищету твою видеть больно / И березам и тополям» [IV, 221].

Стихотворение «Береза» оказалось первой известной исследователям публикацией Есенина в 1914 г. в детском журнале «Мирок», хотя имеются сведения о других опубликованных стихотворениях, пока не разысканных [IV, 349–350, комм.]. И сам Есенин мог прочесть стихотворение «Березонька» уже в «Родном слове» К.Д. Ушинского, являвшемся в школьном обучении второй книгой после «Азбуки»¹¹³. Показательно, что многие посмертные издания произведений Есенина и исследования о нем имеют обложку с изображением березок, березовых веток и даже бересты, как у книги В.В. Коржана «Есенин и народная поэзия» (1969).

В монографии «О свадебных обрядах, преимущественно русских» (1881) Н.Ф. Сумцов писал о народном представлении о деревьях: «Предметы царства растительного были рассматриваемы как живые, способные к самостоятельной деятельности личности. Деревья имеют свое тело и свои органы чувств. Раненые, они так же могут истекать кровью, так же плакать и страдать, как человек. Кора — их кожа, поэтому сдираание коры — дело нехорошее. Зеленый покров — их одежда. Шум листьев — говор»¹¹⁴.

В фольклоре образ березы амбивалентен и представлен по-разному на различных территориях русских и соседствующих с ними народов. На белую березу невеста хотела бы отослать утраченную девичью волюшку ради благополучной замужней жизни (в противовес предрекаемой печальной участи, если «воля-красота» окажется на горькой осине) в свадебном севернорусском плаче; сравните мысль Лимпиады в повести «Яр», не согласившейся выйти замуж за пришлого охотника-странника Константина Карева и покинуть сторожку брата в лесу: «Лучше я повешусь на ветвях березы, — говорила она, — чем уйду с яра» [V, 26]. Есенин в «Яре» использовал вариант загадки, приведенной В.И. Далем в «Пословицах русского народа» (1862) и «Толковом словаре живого великорусского языка» (1863–1866), также в «Загадках русского народа» Д.Н. Садовникова (1875) про человеческий язык или рот с языком: «Отгадай загадку, — гаркнул он <дурачок>, взбираясь на верхушку. — За белой березой живет тарарай» [V, 82, 370 комм.]. Сравните у Даля и Садовникова: «За белыми березами тарара живет (Язык)» (в разделе «Человек»)¹¹⁵; «В белом березняке / Талалай живет»¹¹⁶.

Известна троицкая березка, которой украшали окна изб и делали своеобразные древесные ворота на Троицу; девушки завивали из ветвей этого деревца

¹¹³ Ушинский К.Д. Родное слово. Для детей мл. возраста / сост. К.Д. Ушинский. 102-е изд. СПб.: Н.С. Ушинская, 1895. С. 50.

¹¹⁴ Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков: Тип. И.В. Попова, 1881. С. 179–180.

¹¹⁵ Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, приговоров, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: В Университетской тип., 1862. С. 335; Садовников Д.Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1875. С. 219. № 1749а.

¹¹⁶ Садовников Д.Н. Загадки русского народа. С. 219. № 1749.

венки, «кумились» через них в березовых рощах и обменивались нателными крестиками; крестьяне полагали, что на ветвях берез, как на качелях, качались весной русалки. Плакучая береза соперничает герою в необрядовых песнях, к этому деревцу на съедение комарам привязывает злобный муж нерадивую жену в сюжете семейной песни¹¹⁷. Появление березы на северной земле чуди (финно-угорского племени) трактовалось этим народом как завоевательный приход «белых людей», то есть русских, что отражено уже в «Абеге русских суеверий» М. Чулкова (1786)¹¹⁸. В то же время Владимирка и Сибирский тракт ассоциировались у русского народа с березками, что нашло отзвуки в поговорках, зафиксированных в «Пословицах русского народа» В.И. Даля (1862) в разделе «Ослушание — кара»: «Услан березки считать (по дороге, т. е. сослан в Сиб<ирь>»); «Пошел по широкой, где березки посажены»¹¹⁹.

Но русский народ не только придавал сакральное значение березе, а одновременно считал ее обычным деревом, что тоже отражено в «Пословицах русского народа» Даля, в разделах «Кара — гроза», «Тишина — шум, крик»: «Береза не угроза: где стоит, там и шумит (ответ на угрозу)»¹²⁰.

Роли березы в устном народном творчестве посвящены специальные исследования. В есенинское время В.А. Водарский указывал, что в фольклорных песнях и былинах «береза — символ человека вообще, т. е. как женщины, так и мужчины»¹²¹. Это оказалось справедливо и для творчества Есенина, который в «Сказании о Евпатии Коловрате, о хане Батые, Цвете Троеручице, о черном идолище и Спасе нашем Иисусе Христе» (1912, <1925>) использовал отрицательный параллелизм с березками, похожими на девушек, хотя и не названных: «Не березки-белолицушки / Из-под гоноби подрублены» — в сравнении с погибшими русскими дружинниками [II, 179].

В.А. Водарский привел эпитеты к березе, в том числе основанные на диалектах: белая, тонкая, кудрявая, кудреватая, кужлявая, листоватая, круглолистая, шеллеватая, кудреватенькая¹²². Помимо сопоставлений с положительными персонажами, береза упоминается в свадебном плаче невесты и в семейной песне как атрибут, связанный с несчастным событием. В первом случае девушка просит перенести на деревце ее девичью волю-красоту, а частым ельничком-березничком «засечь пути» поезду жениха; во втором — под белой березой «муж жену

¹¹⁷ См.: Соболевский А.И. Великорусские народные песни: в 6 т. СПб.: Гос. тип., 1895–1900.

¹¹⁸ Чулков М. Абеге русских суеверий. М.: В тип. у содержателя Ф. Гиппиуса, 1786. С. 7.

¹¹⁹ Даль В.И. Пословицы русского народа. С. 218.

¹²⁰ Там же. С. 223, 560.

¹²¹ Водарский В.А. Символика великорусских народных песен (Материалы) // Русский филологический вестник. Варшава, 1914. Т. LXXII, № 3/4. Пед. отдел. (Продолжение). С. 36.

¹²² Там же.

учил»¹²³ (см. выше). Также представляется, что «девушка, утонувшая в реке, превратилась в березу» и «черт в сказке превратил царевну в березу»¹²⁴. В фольклоре распространен сюжет: «Нелюбимая жена превращается в березу»¹²⁵.

Обобщая наблюдения над растительной символикой, Водарский вывел заключение: «Народное русское творчество символы свои берет отовсюду, начиная прежде всего с природы, которая кажется ему населенной живыми призраками суеверного воображения (ведь картин природы ради них самих — народная поэзия не знает), и кончая действиями человека»¹²⁶.

О символике березы и других деревьев в творчестве Есенина написаны статьи и кандидатские диссертации: «Семантика и функции лексем клен и береза в произведениях Сергея Есенина» С.А. Щербакова (2019); «Флористическая поэтика С.А. Есенина: классификация, функция, эволюция» Л.А. Борзых (2012) и др.¹²⁷.

«Учительная» роль березы как источника розг для физического наказания нерадивых учеников осталась в дореволюционном прошлом, даже за десятилетия до Октябрьской революции 1917 г., но взрослые читатели, особенно сельские, воспринимая мир мальчика Пети через призму собственного детства, могли ощущать такую аллюзию и прокомментировать смысл концовки своим детям. Дочь и второй сын Есенина, рожденные после Октябрьской революции 1917 г., воспитываемые З.Н. Райх и ее новым супругом В.Э. Мейерхольдом, сначала жили в г. Орел у бабушки с дедушкой по материнской линии (см.: [VI, 151], потом в Москве и были горожанами, далекими от сельского быта. Поэтому описываемые родным отцом события крестьянской жизни, более консервативной в селе по сравнению с городскими привычками, должны были восприниматься ими как экзотика, как диковинные приключения мальчика — их сверстника. Образ атрибута для битья представлен в фольклорной песне «Благословите братцы про старину сказать» из сборника Кирши Данилова: «изорвался кнутик он березиной»¹²⁸. Есенин, изучая «Русские народные картинки» Д.А. Ровинского, имя которого он назвал в редакции «Ключей Марии», мог обратить внимание на «Похвалу розге»¹²⁹.

¹²³ Там же. С. 38, 40.

¹²⁴ Там же. С. 37.

¹²⁵ Водарский В.А. Символика великорусских народных песен // Русский филологический вестник. Варшава. 1914. № 1. Пед. отдел. С. 10.

¹²⁶ Там же. С. 2.

¹²⁷ Щербаков С.А. Семантика и функции лексем клен и береза в произведениях Сергея Есенина // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковом вузе. Сб. материалов 3-й Международной научно-практической конф. М.: Моск. гос. технический ун-т им. Н.Э. Баумана, Ассоциация технических университетов России и Китая, 2019. С. 401–405; Борзых Л.А. Флористическая поэтика С.А. Есенина: классификация, функция, эволюция: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012. 186 с.

¹²⁸ Сборник Кирши Данилова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1901. С. 134.

¹²⁹ Ровинский Д.А. Русские народные картинки / Сб. Отделения русского языка и словесности Императ. Акад. наук. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1881. Т. 23. Вып. 1. С. 467–468. № 240.

Фраза из «Сказки о пастушонке Пете...» — «А над ним береза, / Веткой утираясь, / Говорит сквозь слезы, / Тихо улыбаясь» [II, 173] — тоже амбивалентна: во-первых, в ней можно усмотреть женский образ — березы-матери или, с учетом адресации сказки детям-школьникам, — березки-учительницы, тем более что отчетливо видна поучающая роль. Во-вторых, описание поведения деревца содержит аллюзию на особенность крестьянского воспитания — сечение провинившихся ребятишек розгами, изготовленными как раз из березовых прутьев (или ветвей других деревьев); сравните народный обычай париться березовыми вениками в бане (Есенин мог прочесть в «Повести временных лет», хотя бы в хрестоматийном отрывке, о путешествии апостола Андрея в Новгород и его удивлении по поводу такой севернорусской банной традиции). В-третьих, в связи с дальнейшим указанием на «мокрый день осенний» береза даже в солнечный день может предугадывать смену погоды и выглядит плачущей из-за улавливаемого будущего дождя. Ну и, в-четвертых, приведенная деталь с уточнением «Тихо улыбаясь» допускает редуцированную (ослабленную) версию трактовки — как «смех сквозь слезы» или, наоборот, «смеяться до слез». Образ плачущей березы с его народным (и научным ботаническим — береза повислая) названием уже был применен Есениным в «Бобыле и Дружке (Рассказе, посвященном сестре Катюше)» за десять лет до «Сказки о пастушонке Пете...», также в особо значимой позиции произведения — в его концовке: «Прилетала к могиле кукушка, сядила она на плакучую березу» [V, 160].

Но не только береза плачет и улыбается в «Сказке о пастушонке Пете...»: этой ситуации существенно раньше, еще в майский сезон, предшествует другой плач: «На коровьей шее / Плачет колокольчик. / Плачет и смеется» [II, 167]. Все эти моменты подчеркивают взаимосвязь явлений мира природы и человека.

Береза в сказке наделена умением проникать в сокровенные мысли мальчика: получается, что она знает содержание сна-мечтания Пети, спящего под сенью ее ветвей, раз дает ему рекомендацию действовать последовательно, согласно возрасту и полученным знаниям, а не перепрыгивать через жизненные этапы, не забегать вперед даже в грезах. Береза очеловечена, она в основном тексте «говорит», а в черновом автографе одета в женскую или девичью одежду — «Говорит сквозь ветви / В сарафане сером» [VII (2), 25]. От этой характеристики поэт отказался, очевидно, как от колористически неточной и не имеющей такого же прообраза в народном одеянии, где не допускался серый цвет для девичьей и женской одежды из домотканины, которую отбеливали на мартовском солнце и красили в яркие или выразительные темные цвета. На Русском Севере сарафаны шили из покупной атласной ткани или изготавливали из домашнего полотна, окрашенного странствующими красильщиками в синий цвет с белыми или желтыми узорами. Между тем в «Загадках русского народа» Д.Н. Садовникова (1875) — одном из любимых поэтом фольклорных сборников — приведена

пара вариантов про оконное стекло, различающихся наименованиями именно старинной народной одежды — ферязями и переосмысленных из них «березьями»: «Зяб, перязяб / В одних ферязях» и «Зяб, перязяб / в тонких березях»¹³⁰. У Есенина береза оказывается на границе миров — реального и сонного: просыпаясь под этим деревцем, как под родительским пологом, мальчик радуется обычной реальности, к которой он раньше имел много претензий, и прежний рефрен «Трудно жить на свете» сменяется на «Сладко жить на свете» [II, 166, 172]. В итоге Петя выслушивает наказ нарядного и зрительно-примечательного белоствольного дерева, праздничного в своем древесном наряде.

Образ березы отсылает к художнической мысли Есенина о «символическом древе», «которое означает “семью”» в «Ключах Марии» (сентябрь–ноябрь 1918) [V, 188–189], хотя на эту древесную роль больше претендует дуб, в том числе из библейской Маврикии, под которым сидит дед с христианскими и язычески-космическими чертами из маленькой поэмы «Октоих» (август 1917): «Под Маврикийским дубом / Сидит мой рыжий дед» [II, 44]. Есенин в «Сказке о пастушонке Пете...» развивает тезис об утверждении семейного родства между человеком и деревом, по сути являющимся его древесным тотемом и давним родоначальником, что первоначально было осознано древними пастухами, наследником которых в XX в. выступает мальчик-подпасок. Есенин рассуждал в «Ключах Марии» о мировом древе (древе жизни): «Это древо родилось в эпоху пастушеского быта. В древности никто не располагал временем так свободно, как пастухи. Они были первые мыслители и поэты, о чем свидетельствуют показания Библии и апокрифы других направлений. Вся языческая вера в переселение душ, музыка, песня и тонкая, как кружево, философия жизни на земле есть плод прозрачных пастушеских дум» [V, 189].

Эту мысль Есенин мог почерпнуть из «Славянского именослова, или Собрания славянских личных имен в алфавитном порядке» М. Морошкина (1867), из «Введения» (во всяком случае, заметно идейное родство) — с отсылкой к мнению немецкого ученого: «Гримм вот что говорит о происхождении такого рода имен: для образования подобных имен нужна известная степень гражданственности и развития народа, и эта степень есть пастушеское состояние народа, самое выгодное и удобное для происхождения этих имен. Пастух, находясь в непосредственном, самом близком и всегдашнем соприкосновении с природою, всегда взирая на нее, в лесу и на лугах изучает все свойства и силы растений <...>: земледельцу уже некогда заниматься созерцанием»¹³¹. В данном случае «плод прозрачных пастушеских дум» в «Ключах Марии» в сказке представлен сновидением, сюжет которого оказался страшным для мальчика, однако назидательным.

¹³⁰ Садовников Д.Н. Загадки русского народа. С. 8. № 64 и 64а.

¹³¹ Морошкин М. Славянский именослов... С. 48.

Но в «Ключах Марии», помимо эпического вселенского дуба, имеется образ березок, через которые передано чувство Родины, когда Есенин рассуждает о творчестве С.А. Клычкова: «Он первый увидел, что земля поехала <...> что березки, сидящие в телеге земли, прощаются с нашей старой орбитой, старым воздухом и старыми тучами» [V, 212].

Если в «Ключах Марии» Есенин несколько раз упоминает «вселенский дуб» как главное «вселенское символическое дерево» [V, 189], то в «Сказке о пастушонке Пете...», несмотря на обрисовку пейзажа с дубравами и елями, «с цепью кленов голых» [II, 169] и сосной, под которой мальчик также отдыхает, завершающим древесным образом становится береза. Именно ей, деревцу в женской ипостаси, по-матерински заботливой, авторской волей поэта поручено прогнозировать и вершить человеческую судьбу, участвовать в биографии пастушонка.

Береза разрешает конфликт Пети с действительностью, который постепенно нагнетался все более утяжелявшимися обстоятельствами — как реальными, так и привидевшимися во сне. По сути, это столкновение профессиональной деятельности с природой: сначала, по весне, пасти коров легко, но уже летом надо быть более внимательным к животным, норовящим потоптать рожь, осенью возрастают трудности из-за непогоды; кульминацией становится «таска» (физическое наказание) мальчика-комиссара во сне. И только значимое в русском фольклоре деревце дает правильный совет стать пионером, а не прельщаться внешней легкостью деятельности комиссара, его высоким социальным статусом и заслуженным народным уважением. Оправдан отказ Есенина от более пространного назидания березы в черновом автографе: «Тяжело на свете / Быть всему <строка не закончена> / Будь ты лучше, Петя, / Раньше пионером» [VII (2), 25]. Незавершенная стихотворная строка в соответствии с ритмико-рифмической организацией этого фрагмента неизбежно привела бы к утверждению «Быть всему примером», а прямой морали поэт всегда избегал, поэтому и оборвал очевидно назидательное продолжение.

Красивое белоствольное деревце появляется в условной третьей части произведения — после первой части с показом всей деревенской деятельности пастушонка, после второй части с мечтаниями во сне. И береза своей красотой, давней символической привязанностью к родине и мудростью словно бы взрослого человека оттеняет «страшную историю» мальчика, коррелирующую с фольклорным жанром детских страшилок и ужасиков.

Про березу в «Пословицах русского народа» В.И. Даля (1862) в разделах «Кара — милосердие» и «Кара — гроза» приведены паремии: «Бог создал человека, и создал тальник и березник»; «Четыре дубинки березовые, пятый кнут, по заказу свит»; «Накормить кого березовой кашей»; «Узнаешь вкус березовой каши»¹³².

¹³² Даль В.И. Пословицы русского народа. С. 209, 220, 219, 221.

О телесном наказании ничего не говорится в предшествующем творчестве Есенина, но о нем писали рязанские историк С.Д. Яхонтов в дневнике и профессор Д.И. Ростиславов в мемуарах¹³³. Так, Ростиславов указывал: «Когда нужно было высечь мальчика или девочку, из этих веников <голиков> вырывали прут, два и более, смотря по тому, как думали наказать. Иные де считали нужным лучше сходить в огород или в сад, и там, сломивши или срезавши свежие, жидкие ветви, употребляли их для сечения. Разумеется, на прутьях, вырванных из банных веников, и на срезанных ветвях тщательно обрывали все листья и даже почки»¹³⁴. Розги нарочно выставлялись на всеобщее обозрение как инструмент устрашения и наказания: «<...> прутья, употребленные в качестве розог, но еще годные для той же операции, втыкались в щель какого-нибудь бревна стены и на виду. И потому иной гость, увидевши их, обращался к детям и спрашивал: это тебя, или вас — угощали? С другой стороны, и сами дети, рассматривая прутья, могли увидеть, как они более или менее были уже обломаны об их тело»¹³⁵.

Даже в «Родном слове» К.Д. Ушинского (1895, 102-е изд.) было помещено стихотворение «Урок» про отставного солдата, обучающего на лужайке детей грамоте и рассуждающего: «Битый — правду говорит / Молвь людей простых — / Стоит двух, кто не был бит, / Грамотей — троих»¹³⁶. Хороший знакомый Есенина, редактор И.В. Евдокимов, в 1933 г. написал и в 1934 г. издал автобиографическую книгу «Портрет Василия Мещерина», в которой показал рукоприкладство отца, когда его младший сын резвился и совершал необдуманные проступки¹³⁷.

Современники Есенина также вспоминали о физическом наказании, практиковавшемся в семье его бабушки. Из мемуаров А.И. Мамонова (1962) известно, что Есенин в детстве соорудил змея из лубочной картины «Страшного суда Господня», за что был сурово наказан Ф.А. Титовым:

Заметив исчезновение со стены картины, он помнил пальцем Сергея и, убедившись, что змей наш склеен из этой картины, схватил Серегу за шиворот и начал охаживать его веревкой. Сергей визжал от боли как резанный поросенок. На визг и крик Сергея выбежала из избы бабушка Наталья и хотела было защитить внука от побоев, но ей это не удалось. Разгневанный неблагоприятным поступком внука, дед Федор огрел веревкой и заступницу Сергея — бабушку Наталью. <...> После жестокой расправы над внуком дед остыл, гнев прошел, он с жалостью посмотрел на рыдавшего Серегу, подошел к нему и ласково обнял его.

¹³³ Самоделова Е.А. Образ ребенка и матери в рязанском фольклоре и этнографии: в 2 т. 2-е изд., доп. / Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2019. Вып. 61. Т. 1. С. 339–340.

¹³⁴ Ростиславов Д.И. Записки Д.И. Ростиславова, профессора СПб. духовной академии, † 18-го февраля 1877 г. // Русская старина. СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1880. Март. № 3. С. 559; Самоделова Е.А. Образ ребенка и матери в рязанском фольклоре и этнографии. Т. 1. С. 340. Сн. 18.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Ушинский К.Д. Родное слово. С. 69.

¹³⁷ Евдокимов И.В. Портрет Василия Мещерина. М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1934. С. 74.

На другой день Сергей показал мне на своем теле следы художества деда (Летопись, 1, 89 — со ссылкой на архив ИМЛИ, ф. 32).

Очевидно, дед расценил опрометчивый поступок внука как святотатство.

Что касается Есенина, то, как мы указывали выше, образ березы, утиряющей веткой и проливающей слезы, парадоксальным и скрыто-символическим способом соединяет в себе одновременно орудие наказания и сочувствующего персонажа. Но и пастушонок Петя, хотя и остается еще ребенком, ощущает свое превосходство над беззащитным существом — взрослой домашней скотиной, и употребляет в ход ветку, которая приравнивается к розге или к учительской указке с ее назначением — указывать направление (в данном случае передвижения животных). Показательно движение чувств и мыслей мальчика в отношении повелевания домашним скотом — коровами: «Тонкой хворостиной / Управлять скотиной»; «Любо хворостиной / Управлять скотиной»; «Тяжко хворостиной / Управлять скотиной»; «Трудно хворостиной / Управлять скотиной» [II, 166–168, 170]. Этот образ выступает рефреном в произведении, хотя Есенин не уточняет, из ветки какого дерева или кустарника сделан длинный прут. Также хворостина напоминает оружие в руке воина, сражающегося с врагом даже в детской игре «в войнушку»¹³⁸. Сам Петя, осознавая свое нерадение при пастьбе скотины, мысленно представляет вероятность наказания — как от грозного мужика: «Да как в спину втянет / Прямо кнутовищей», так и от бурной непогоды с резким падением мокрых листьев: «Так и хлещет в спину, / В спину и в загривок» [II, 168, 169]¹³⁹. Но и когда удастся пасти коров со всей сноровкой, Петя все равно размышляет о наказании, только уже в ином, противоположном, плане — как ловко ему удалось избежать кары: «Не получит взбучу — / Чести не уронит» [II, 167]. И «страшный сон» завершается привидевшимся битьем: «Взяли раз Петрушу / За живот, за душу, / Бросили в коляску / Да как дали таску...» [II, 172].

Однако этот «злой» эпизод не просто вспышка неуправляемого во сне сознания, он перенесен в сновидение из реальной жизни, о чем сообщалось в первой части произведения — в эпизоде с ударом мужика по спине «кнутовищей» в случае недогляда за коровами [II, 168]. И этот момент с вариативностью повторяет описание физического состояния пастушонка, замерзшего в осенний холод: «И дрожишь полсутки / То душой, то телом» [II, 169]. Все мировоззрение и деловые навыки мальчика-пастушонка сводятся лишь к владению прутотом: «Он ведь пас скотину, / Понимал на свете / Только хворостину» [II, 172]. Но в результате сновидения мнение мальчика о справедливом мироустройстве и своем месте в нем кардинально изменилось.

¹³⁸ Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина. С. 291.

¹³⁹ Там же. С. 450.

Н.И. Шубникова-Гусева на заседании Есенинской группы ИМЛИ 11.10.2022 дополнила наше предположение о том, почему концовка «Сказки о пастушонке Пете...» может быть ироничной: «устаами» березы дан совет главному герою сначала стать пионером, а потом уже метить в комиссары. Исследовательница привела сопоставление с поэтическими строчками об отношении лирического героя к партийным лицам и вождям из других произведений Есенина примерно того же периода: например, в написанном годом ранее «Возвращении на родину» (1 июня 1924) дед беседует с внуком — «Да!.. Время!.. / Ты не коммунист?» / «Нет!..» / «А сестры стали комсомолки. / Такая гадость! Просто удавись! / Вчера иконы выбросили с полки, / На церкви комиссар снял крест» [II, 91]. Вспомним, что в «страшном сне» пастушонок, ставший комиссаром, продолжает следовать уходящему патриархальному укладу, несмотря на вступление в силу нового: «Он еще иконы / Держит в волсовете», т. е. в волостном совете [II, 171].

На наш взгляд, особенно интересно в этом плане сопоставить образы деревьев в «Сказке о пастушонке Пете...» и в «Возвращении на родину», где дед сообщает приехавшему из города внуку: «Уж я хожу украдкой нынче в лес, / Молюсь осинам... / Может, пригодится...» [II, 91]. Именно здесь заключается ирония, вложенная в уста деда, который тоже оказывается не таким уж ортодоксальным христианином, поскольку избрал (или будто бы избрал) для молитвенного настроя малоподходящее деревце, хотя в лесу растет много других пород деревьев, с более благоприятной «фольклорной историей». Дед-крестьянин (как и автор произведения) не мог не знать широко распространенного народного поверья о том, что на осине от осознания своего позора удавился Иуда, предатель Иисуса Христа (и еще убийца своего брата Каин), и с тех пор на ветру дрожат от стыда листочки этого деревца. Так, в «Пословицах русского народа» В.И. Даля (1862) приведены такие паремии: «Убогий, что осиноный лист: все дрожит»; «Трясется, как лист на осине (как осиноный лист)»; «Трясется, что Каин, что осиноный лист»; «Осина и без ветра шумит. Осина все шепчется, а проклятое дерево»; «На осину бы тебя! Чтоб тебя на осину!»; «Ладило б тебя на осину (осина — проклятое дерево, на нем Иуда удавился)»¹⁴⁰; также процитирован фрагмент песни: «Удавился на горькой осинушке, на самой вершинушке»¹⁴¹. Вероятно, впервые легенду об осине представил в «Абевега русских суеверий» М. Чулков (1786): «Осина, простолюдины признают сие дерево проклятым за то, что будто бы Иуда на оном удавился, и для того на сем дереве, хотя бы и никакого ветру не было, листочки шевелятся <...>»¹⁴²; здесь же приведено поверье о вбивании осинового кола в могилу колдунов, известное и на Рязанщине.

¹⁴⁰ *Даль В.И.* Пословицы русского народа. С. 74, 280, 318, 560, 830, 831 и др.

¹⁴¹ Там же. С. 286.

¹⁴² *Чулков М.* Абевега русских суеверий. С. 264.

Для сравнения укажем, что современник Есенина со сходной биографией — Ефим Честняков (Е.В. Самойлов, 1874–1961), крестьянин деревни Шаблово Кологривского уезда Костромской губернии, тоже получивший образование учителя в Новинской учительской семинарии в Ярославской губернии, ставший художником и писателем, дважды посетивший Санкт-Петербург, в эпоху воинствующего атеизма ходил с местными жителями молиться в так называемый Лесной храм — к высокой ели, но никак не к осине. Точка зрения Есенина на современность и тем более мнение его литературного героя должны были меняться от одного исторического момента к другому; поэт просто обязан демонстрировать как можно более широкий спектр взглядов, наделяя ими своих персонажей.

И в заключении вопроса о роли березы в концовке «Сказки о пастушонке Пете...» все-таки необходимо допустить некую вероятность случайности в выборе Есениным этого деревца, его зависимость от общего перечня деревьев, упомянутых в произведении. Первыми в сюжете появляются хвойные деревья: «Хорошо весною / Думать под сосною» и «Май всё хорошеет, / Ели всё игольчей» [II, 167]. Рядом находятся дубы: «Голос раздается / Звоном средь дубравы» [II, 167]. Через ряд характеристик летней природы и занятий людей и домашней скотины возникает еще один вид широколиственных деревьев: «Вот приходит осень / С цепью кленов голых» [II, 168]; к ним также примыкает пара разных древесных пород с указанием места их произрастания у дороги: «Мокрый лист с осины / И дорожных ивов» [II, 169]. Далее мысль повествователя, отражающая думы мальчика, возвращается к уже указанным хвойным и лиственным деревьям, подчеркивая смену природных сезонов: «Елка ли, кусток ли» и «Рассказать дубровам — / У дубровы опадь» [II, 169]. Интересно, что во сне Пети не встречается ни одно дерево. Очевидно, это обусловлено тем, что деревья как яркие компоненты природы соотносятся с профессией пастуха, но не комиссара, чья должность изначально задана городской политикой, пролетарской философией и исходящими оттуда декретами и указами. И только после сновидения мальчика появляется береза, представленная как реальное дерево и одновременно как символ. Конечно, в запасе у Есенина, как у всякого поэта, не любящего повторяться, имелось еще множество деревьев, в том числе любимых и уже явленных в более ранней лирике (например, тополь, ракета, верба, черемуха, вяз и др.), и он мог бы выбрать какое-нибудь другое деревце на роль дающего советы природного персонажа. И все-таки именно береза в силу стоящей за ней давней фольклорной традиции лучше всего подходит для концовки сказки.

Тарантас как интригующая деталь в «Сказке о пастушонке Пете...»

Увиденный во сне пастушонка Пети тарантас — это громоздкая и тряская четырехколесная повозка, иногда на рессорах и дорогостоящая, управляемая возницей, предназначенная для поездки людей (порой используемая в качестве грузового транспорта для перевозки бревен или сена), излишняя в крестьянском хозяйстве (в отличие от телеги и саней), появившаяся сравнительно поздно.

О тарантасе как позднем виде транспорта свидетельствует отсутствие упоминаний о нем в капитальном труде А.В. Терещенко «Быт русского народа» (1848). В главе V «Образ жизни», в главке «Каптаны, рыдваны и колымаги. Кареты и коляски» Терещенко упоминает, помимо выведенных в заглавие, еще зимние возки, дрожки и дроги, дилижансы и омнибусы, линейки, повозки ломовых извозчиков, ямские почтовые повозки¹⁴³. Терещенко показывал сословный характер пользования транспортом, сохранявшийся еще в середине XIX в.: «Кроме дворянства, никакое другое сословие не имеет права ездить в каретах и колясках. <...> Прочее купечество и мещанство может разъезжать на дрожках и ездить в богатейших санях, даже тройкой»¹⁴⁴.

В многотомной «Древней российской вивлиофике» Н.И. Новикова, в «Историческом известии об упомянутых старинных чинах в России» утверждалось, что бояре «до царя Алексея Михайловича карет почти не знали, а употребляли единственно колымаги»¹⁴⁵.

Есенин был знаком с тарантасом в реальной жизни и по литературе. Сохранились воспоминания об использовании тарантаса в селе Константиново в колхозе, о подаче его на железнодорожную станцию Дивово для встречи Есенина; до Октябрьской революции 1917 г. пассажирское транспортное средство применялось у помещиков. По сути, тарантас был «лишним звеном» в деревянном колесном транспорте и потому не использовался крестьянами, которые могли на телеге перевозить и грузы, и людей.

А.П. Жутаев записал воспоминание М.Ф. Русаковой, подруги Т.Ф. Есениной, жившей тогда в деревне Раменки (у автора — село Раменское, неточность?), а ее муж И.М. Русаков был уполномоченным по колхозу и заведовал всей тяглой силой. В сентябре 1924 г. мать поэта попросила его дать транспорт, чтобы встретить сына на железнодорожной станции, и тот отдал приказ парню насчет тарантаса: «Запрягай Резвого, жеребца, в тарантас и срочно до станции Рыбное встречать Сергея Есенина! Помнишь такого?»; и далее: «Из-

¹⁴³ Терещенко А.В. Быт русского народа: в 7 ч. СПб.: В тип. Мин-ва внутренних дел, 1848. С. 465–473.

¹⁴⁴ Там же. С. 471–472.

¹⁴⁵ Новиков Н.И. Древняя российская вивлиофика. М.: В тип. Компании типографической, 1791. Ч. XX. С. 136.

возчик отблагодарил ребят, дал им на леденцы. Оба ловко уселись в тарантас. Нетерпеливый конь сразу же рванул с места. Ребята бежали за тарантасом до реки Вожи. Потом тарантас по берегу быстро спустился на бревенчатый мост. Колеса музыкально запели по его ребрам»¹⁴⁶.

У Есенина тарантас упомянут в повести «Яр» (<1915>), в редакции очерка «Железный Миргород» (<1923>) и в «Сказке о пастушонке Пете...».

Очевидно, первым художественным произведением об этом транспорте является «Тарантас» В.А. Сологуба (1845). Позже, оказавшись в Берлине в 1922 г. и затем в 1923 г., Есенин мог увидеть книжечку, выпущенную русским издательством в Германии, с послесловием А.Н. Толстого, с которым он там встречался¹⁴⁷.

Такой же учитель по образованию, как Есенин, житель Костромской губернии, Е.В. Честняков написал сказку «<Шабловский тарантас>», не опубликованную при его жизни. Также в неоконченной поэме «<Пушкин и Назар>» («Пушкин едет на базар...») поэт-классик, перемещенный в XX в., путешествует в коляске, которая потом почему-то оказывается тарантасом, и сесть в него отказывается крестьянин:

Ведь в тарантас, прошу простить,
Подобных мне не поместить.
Но даже, даже и для вас
Не так удобен тарантас,

Как у иных автомобиль.
Он уж не сказочка, а быть¹⁴⁸.

В «<Городе Талалай>» Честняков описывает усовершенствованный в его мечтах тарантас, используя диалектное словечко:

Тарантайка, на которой издил <так!> Дронд<р>оньюлин, была по старому фасону, а на ходу пожалуй, полегче автомобилей.. Когда едем (дрон-дрон-дрон-дрон).. подумашь и трясет и тяжело подвигаешься.. а на самом деле <так!> (это так кажется) — возьми за мизинчик и покатысь как перышко.. и колесы только по

¹⁴⁶ Жутаев А.П. Дорога в родной дом // Жутаев А.П. Константиновские встречи: Воспоминания. Дневник художника. Рассказы. Сказки. Рыбное: Рыбновское полиграфическое предприятие, 2008. С. 13, 15.

¹⁴⁷ Сологуб В.А. Тарантас. Путевые впечатления / с послесловием графа А. Толстого. Перепечатано с издания 1845 года. Оформлено работами А. Агина, Г. Ганарина, Е. Бернардского, Г. Дерикера, Г. Греймома, резаными по дереву Бернардским. Берлин: Изд-во книгопродавца Иосифа Альтмана в Берлине, 1922. 288, 9 с.

¹⁴⁸ Честняков Е.В. Поэзия / сост., вступ. ст. Р.Е. Обухова. М.: Компьютерный аудит, 1999. С. 167.

внешнему виду похожи на треугольные из копанных крюков.. а где нужно такая круглая да гладкая, что ровно крутлее и быть нельзя.. Ящик будто укреплен на копанных крюках — а он на рессорах.. Едешь только покачивает... А чтобы брякала как тарантайка [были] приделаны <2 сл. нрзб.>¹⁴⁹.

Есенин не был знаком с Честняковым и не мог прочитать его произведения с образом тарантаса, но нам они важны как точные описания этого транспортного пассажирского средства.

Е.А. Ляцкий, составитель сборника «Былины» (1911), имевшегося в личной библиотеке Есенина, путешествовал на Русский Север и составил «Поездку на Печору (Из путевых заметок)», опубликованную в «Вестнике Европы», в котором печатались отзывы о творчестве поэта, и поэтому он должен был читать этот журнал. Ляцкий как автор заметок и собиратель фольклора едет в село Усть-Цильма на Печоре по дороге с ямскими станциями с приятелем на тарантасе, запряженном тройкой и управляемом возницей: «<...> лошади здесь приучены брать мосты в карьер, словно препятствия на скачках. Нужды нет, что при этом часто ломаются оси, а иногда не выдерживают и мосты, и тарантас с лошадьми проваливается в реку»¹⁵⁰. Ляцкий описывает, что он в дальней дороге уже привык «по обыкновению, спать в тарантасе»¹⁵¹. Разные ямщики на различных перегонах везли седоков сообразно своим привычкам, иногда казавшимся удивительными, но потом ставших понятными: «Со станции Мыльской везли нас особенно лихо, как мы ни удерживали ямщика, боясь разбить голову о кузов кибитки или же совсем выскочить из нее при толчке. Но, вот, среди бешеной скачки, мужик вдруг остановил тройку и быстрым движением выхватил из тарантаса дробовку»¹⁵². Оказалось, что возница увидел дичь и решил ее подстрелить. Герой «схватил возжи», извозчик подстрелил куропатку — «ямщик принес ее и бросил на дно тарантаса»¹⁵³.

Поездка с этим возницей вообще была сложной: «Дорога шла горелым лесом, по тряской бревенчатой гребле. Тарантас подбрасывало, встряхивало; ни спать, ни читать не было возможности»¹⁵⁴. Седоки обрадовались, когда оказались на берегу реки: «Мы сошли с тарантаса. С ним мы расстались без сожаления, даже более того, с радостью. От продолжительной езды нас порядочно растрясло и, что называется, разломило»¹⁵⁵.

¹⁴⁹ Честняков Е.В. «Русь, уходящая в небо»: Материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева. Кострома, Костромаиздат, 2011. С. 129; две точки — авторский знак Честнякова.

¹⁵⁰ Ляцкий Е.А. Поездка на Печору (Из путевых заметок) (Окончание) // Вестник Европы. 1914. Вып. 12. С. 688.

¹⁵¹ Там же. С. 691.

¹⁵² Там же. С. 692.

¹⁵³ Там же. С. 693.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

Про тарантас как транспортное средство, управляемое ямщиком, сообщали братья Б.М. и Ю.М. Соколовы в книге «Сказки и песни Белозерского края» (1915): «В это время уже около тарантаса народу набралось чуть не полдеревни»¹⁵⁶. Это научное издание вышло в последний год обучения Есенина в Университете им. А.Л. Шанявского, он забросил учебу и мог слышать об этой книге от профессоров или позже обратиться на нее внимание.

В сказке «Алена» и ее варианте «Олена многосемейная (украинская сказка)» (условно 1918) А.Н. Толстой тоже упомянул тарантас, как средство передвижения помещика, вез его кучер и было запряжено больше одной лошади (их число не уточняется)¹⁵⁷.

В «Портрете Василия Мещерина» (1933, опубл. 1934) И.В. Евдокимова, друга и редактора Есенина, описаны возницы тарантасов: «Они смирны и покорны только в деревенские праздники, когда тарантасы тихонько пролезают по улице сквозь цветную и многоголосую толпу мужиков и баб. Тогда плеть в тарантасе, будто ее и нет совсем, повозницы деловито и прямо сидят на своем месте, а колокольцы едва-едва выговаривают, как спросонья: дон... дон... ди... ли*. дон... Тогда ватажники висят на задках, хватают за оглобли, дергают за хвосты пристяжных и промышляют на лесы даровой конский волос»¹⁵⁸.

В монографии «Николай Клюев и Сергей Есенин: диалог с эпохой» (2024) С.А. Серёгина сообщила об описании Н.А. Клюевым в статье «Огненное восхождение Или пророка» (XIX в.; ныне хранится в Русском музее): «В верхнем тягле — Образ пречистый, Сила громовая, свят, свят, свят: четверка огненных меринов в новый, на железном ходу тарантас, впряжены, и ангел киноарного золота вожжи блюдет...»¹⁵⁹. Исследовательница полагает, что эту икону и ее трактовку Клюевым видел и слышал или читал Есенин¹⁶⁰.

Впервые тарантас у Есенина появился в «Яре» (<1915>), причем там он встречается дважды в одной ситуации и принадлежит помещику. Сначала «Карев увидел, как к мельнице подкатил тарантас и с сиденья грузно вывалился барин», а потом присмотрелся — «Работник насмешливо прикусил губы и хлестал лошадь. Тарантас летел, как паровоз» [V, 72].

¹⁵⁶ Соколовы Б.М. и Ю.М. Сказки и песни Белозерского края. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1915. С. II.

¹⁵⁷ Толстой А.Н. Алена // Свободные мысли. Пг.; Париж, 1920. 25 октября. № 6. С. 2–3.

¹⁵⁸ Евдокимов И.В. Портрет Василия Мещерина. М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1934. С. 92.

¹⁵⁹ Клюев Н.А. Словесное древо: [проза] / вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. С. 120–121. (Серия «Неизвестный XX век»); Серёгина С.А. Николай Клюев и Сергей Есенин: диалог с эпохой / науч. ред. С.И. Субботин. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 733. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0781-6>.

¹⁶⁰ Серёгина С.А. Николай Клюев и Сергей Есенин. С. 733.

В редакции очерка «Железный Миргород» (<1923>) Есенин упомянул тарантас как отживший, но еще нужный транспорт: «В нашем литературном строительстве со всеми устоями на советской платформе я предпочитаю везти телегу, которая есть, чтоб не обогатить тот быт, в котором мы живем. В Нью-Йорке лошади давно сданы в музей, но в наших родных пенатах я даже и самого гениального электрофикатора <так!> Ленина видел в Петербурге на жалком тарантасе с лицом, упертым в почтенный зад кобылы» [V, 273, ред.]. В опубликованном тексте фраза оборвана и поставлено многоточие: «В Нью-Йорке лошади давно сданы в музей, но в наших родных пенатах...» [V, 168]; возникает предположение, что образ вождя на тарантасе не пропустила цензура.

Тарантас — вид сравнительно недавно появившегося, но уже устаревающего при жизни Есенина транспорта, увиденного мальчиком во сне в «Сказке о пастушонке Пете...».

Образ тарантаса мог отразиться в детской ролевой игре, свидетелем которой оказался Есенин. Сами дети слово «тарантас» не использовали, но сооруженный из подручных средств каркас Есенин мог воспринять как такое транспортное средство. Т.С. Есенина вспоминала о приходе отца к ним в последний раз в декабре 1925 г.: «В комнате был еще десятилетний сын одного из работников театра, Коля Буторин, он часто приходил к нам из общежития — поиграть. Я сидела в “каре” из опрокинутых стульев и изображала барыню. Коля, угрожая пистолетом, “грабил” меня. Среди наших игрушек был самый настоящий наган»¹⁶¹. Возникает вопрос: дети сами придумали эту игру или она была навеяна возможным чтением «Сказки о пастушонке Пете...»?

В стихотворении «Неуютная жидкая лунность...» (<1925>) Есенин от имени лирического героя отказывается от примитивных транспортных средств: «И внимая моторному лаю / В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз, / Ни за что я теперь не желаю / Слушать песню тележных колес» [IV, 221].

Переклички образов и мотивов из «Сказки о пастушонке Пете...» (лебедей, ржаных колосьев, трактора) с другими произведениями Есенина

В то же время содержание «Сказки о пастушонке Пете...» (с ее вариантами) в целом ряде образов и мотивов перекликается с другими сочинениями Есенина.

Мотив погибающих колосьев-лебедей, созданный в «Сказке о пастушонке Пете...» в виде сравнения ржи с лебяжьими шеями, а в вариантах еще и с детками-«лебежатками», аналогичен представленному в стихотворении «Песнь о хле-

¹⁶¹ Есенина Т.С. Зинаида Николаевна Райх // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 272–273.

бе» (1921) [I, 151–152]. Также сходный мотив укрывания матерью-лебедушкой своих детушек от нападения хищной птицы, пока еще без сопоставления с падающими под серпом ржаными колосьями, основан на фольклорной необрядовой песне «Вдоль по морю, морю синему...» (на Рязанщине она была приурочена к Масленице и свадьбе в ряде селений)¹⁶². Этот «птичий» песенный мотив является ведущим в сюжете стихотворения «Лебедушка» (<1913–1915>) [IV, 54–58].

«Песнь о хлебе» имеет кольцевую композицию с зачином и концовкой со строками: «Режет серп тяжелые колосья, / Как под горло режут лебедей» и «Оттого что режет серп колосья, / Как под горло режут лебедей» [I, 151, 152]. В поэме-драме «Пугачев» есть название главы (действия) VII «Ветер качает рожь», и на поле автографа поэт нарисовал изогнувшиеся колосья, похожие на лебединые шеи [III, 39]. В «Сказке о пастушонке Пете...» использовано подобное сравнение: «Все колосья в поле, / Как лебяжьи шеи» [II, 168]. Речь в «Песни о хлебе» и в «Сказке о пастушонке Пете...» шла о ржи как ведущей зерновой культуре, выращиваемой на бедных почвах нечерноземной полосы России, к которой относится северная часть Рязанской губернии / области с расположенным там селом Константиново. В черновом автографе (после 48 строки, частное собрание) Есенин записал один за другим два фрагмента, но потом отказался от них и зачеркнул:

I

Все головки клонят
На дорожный скаток<,>
Будто бы хоронят
Малых лебежаток.
Будто бы скрывают

II

Все головки клонят
Средь дорог увялых,
Будто бы хоронят
Лебежаток малых,
Будто укрывают
Их от живореза,
Кто на всю их стаю
Наточил железо [VII (2), 21].

¹⁶² Самоделова Е.А. Традиционная и современная рязанская свадьба (Послевенчальные ритуалы и мировоззренческие аспекты). Ч. 2 // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2015. Вып. 56. Т. 2. С. 46, 221.

Вероятно, чтобы избежать явного смыслового повтора, хотя и варьирующегося в лексическом плане, Есенин сократил описание августовской уборки зернового урожая из 7–10 строк до 2. Вскоре после переезда из села в город Есенин с большой любовью живописал сезонные полевые работы крестьян, видя в них назначенную свыше трудную, но благодатную долю хлебороба (см. стихотворение «Молотьба», <1914–1916>) [IV, 91–92]. Но в дальнейшем, очевидно, под влиянием гнетущей городской жизни в новых условиях смены социального строя, наступления голода в Гражданскую войну и ужесточения нравов, поэт уже не идеализирует крестьянский труд, но, наоборот, одушевляет его объект — колосья и делает акцент на их незащитности. А.Е. Крученых обратил внимание на то, что Есенин стал описывать уборку урожая в негативном ключе: «От него — этот ужас перед работой (“грубость жнущих”, “режут лебедей” — из Есенинской “Песни о хлебе”); и еще раз цитата — «У Есенина: “Как под горло режут лебедей”»¹⁶³ [I, 567] — комм. А.А. Козловского).

Однако задолго до рождения Есенина в фольклоре уже существовал поэтический мотив уборки зернового урожая как воинской битвы, который был обнаружен в загадке, записан и опубликован В.И. Далем в сборнике «Пословицы русского народа» (1862): «Шел я мимо Петровска, видел дело таковско: головы разбиты, брюха вывалены, душу в рай несут, тело в край везут (снопы)»¹⁶⁴. Получается, что крестьяне-хлеборобы по-разному расценивали свой аграрный труд: в реальном понимании он необходим для жизни всех людей, но в фольклорном сознании мог переосмысливаться как убийственный. Это противопоставление, впрочем, вполне согласуется со словами Иисуса Христа в «Евангелии от Иоанна»: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоанн 12, 24). Далее эта мысль вошла в философскую диалектику с ее законом «отрицания отрицания», хрестоматийно выраженным на примере амбивалентности зерна, которое, умирая, порождает новую жизнь растения (напомним, что Есенин обучался по историко-философскому циклу академического отделения в Университете им. А.Л. Шанявского в 1913 – начале 1915 г.). Так что поэт в чрезвычайно живописном и одновременно трагическом описании «судьбы зерна» в «Песни о хлебе» (и с применением иной, но также гибельной образности — в «Сказке о пастушонке Пете...») отталкивался от библейских притч и русского фольклора и, вероятно, от подобной драматической «хлеборобной» линии классической литературы (это тема отдельного исследования), доведя описание уборки урожая до наиболее яркой метафоричности. В «Сказке о пастушонке Пете...» с позиции

¹⁶³ Крученых А.Е. Новейшие поэты. 2. Яков Шведов // Жизнь искусства. Л., 1925. 29 сентября. № 39. С. 8.

¹⁶⁴ Даль В.И. Пословицы русского народа. С. 1075.

мальчика-подпаска крестьянский труд также описан как тяжелая обязанность, без романтического флера.

В некрологе «Об отошедшем» А.К. Воронского в т. 1 «Собрания стихотворений» Есенина указан есенинский образ как один из самых красочных и емких: «Вспомните у Есенина наудачу его черемуху и березку <...> лебяжью шею ржи, розовую водь, — все это — во плоти, материально осязаемо, это — сгусток давно нам знакомого и родного»¹⁶⁵. В этом же некрологе утверждается: «У трактора сейчас в России не меньше исторических прав, чем у красногирвого жеребенка»¹⁶⁶. В «Сказке о пастушонке Пете...» упоминается трактор, который требуют крестьяне, привидевшиеся мальчику во сне о его комиссарстве: «Отчего-то очень / Стал им нужен трактор» [II, 172]. В стихотворении «Неуютная жидкая лунность...» (<1925>), написанном в один год со «Сказкой о пастушонке Пете...», лирический герой воспекает механизированный труд на полях: «Полевая Россия! Довольно / Волочиться сохой по полям!», «Может, в новую жизнь не гожусь, / Но и все же хочу я стальной / Видеть бедную, нищую Русь», «И внимая моторному лаю / В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз, / Ни за что я теперь не желаю / Слушать песню тележных колес» [IV, 221].

Интересно, что только в «Сказке о пастушонке Пете...» трактор оказывается просто сельскохозяйственной машиной, по отношению к которой у героя нет явного неприятия. В 1924 г. (дата условна) в литературной декларации «Восемь пунктов», подписанной Есениным и его друзьями-имажинистами, в пункте 3 тяготение многих писателей к введению образов техники в свои произведения рассматривалось как устаревшее явление: «Машины и сумбур — эстетические привычки буржуазно-футуристической эпохи» [VII (1), 312]. По более ранним произведениям Есенина разбросаны метафорические описания разных машин и механизмов (кораблей, поездов, танков, подъемных кранов), вызывающих отторжение у повествователя или лирического героя: «Страшись по морям безверия / Железные пускать корабли!» в маленькой поэме «Инония» (1918) [II, 65]; «Вот он, вот он с железным брюхом / Тянет к глоткам равнин пятерню», «Се изб древенчатый <бревенчатый?> живот / Трясет стальная лихорадка!», «Железной ноздрей храпя, / На лапах чугунных поездов?» и «Неужель он не знает, что живых коней / Победила стальная конница?» в «Сорокоусте» (август 1920 г.) [II, 82–83]; «<...> и броненосцы громадными рычагами, как руками великанов, поднимают их и сажают на свои железные плечи» в редакции очерка «Железный Миргород» (1923) [V, 273]; «Железная витала тень / “Над омраченным Петроградом”, «Знали, / Что не напрасно, зная, везут / Солдаты черепах из стали» и «И дымом пу-

¹⁶⁵ Воронский А.К. Об отошедшем // Есенин С.А. Собр. стихотворений: в 4 т. Л.: Гос. изд-во, 1926. Т. 1. С. XVII.

¹⁶⁶ Там же. С. XXXII.

шечным с «Авроры» / Взошла железная заря» в стихотворении «Воспоминание» (1924) [IV, 199–200]. И даже вроде бы обычный человек (оказавшийся Господом Богом) появляется как нищий «На тропинке, с клюшкой железной» в стихотворении «Шел Господь пытаться людей в любви...» (1914) [I, 42]; охотники на волка названы «железными врагами» в стихотворении «Мир таинственный, мир мой древний...» (1921) [I, 158].

Показательно, что Есенин вычеркнул из белого автографа «Инонии» фрагмент с простым описанием бытового применения изделия из железа — вместе с удалением всей метафоры с исхудалым кобелем-зарей: «И, кусая зубастой злостью / Железную на шее цепь» [II, 224]. В частом упоминании железа Есенин следовал крестьянскому пристрастию к дорогостоящему тогда материалу, в какой-то мере опирался на фольклорные сказки с их идеализацией железа как износостойкого материала и передал ощущение своего поколения от наступающего нового «железного века». В т. 4 «Русских народных сказок: в 5 т.» А.Н. Афанасьева (1914, изд-е 4) Есенин мог обратить внимание на уведомление фольклориста: «В напечатанной нами под литерою *д* сказке о царевне-лягушке говорится о железных сапогах, которые надо износить, и трех железных просфорах, которые надо изглотить — прежде, нежели суждено герою найти свою скрывшуюся царевну»¹⁶⁷. М.А. Волошин в предисловии к сборнику стихов Э. Верхарна (1919) писал о Великой Европейской войне (т. е. Первой мировой войне): «Она как бы хотела символически указать, что в наступающие железные времена человечеству больше не понадобятся ни поэты, ни художники»¹⁶⁸.

Выражение Есенина «наточил железо» напоминает подобное в опубликованных вариантах строк «Смерть в потемках точит бритву...» и «Смерть в сутемках точит бритву...» в стихотворении «В лунном кружеве украдкой...» (<1915>) (опубликовано: «Биржевые ведомости». 1915, 13 декабря. № 15267; [I, 103, 322]). В «маленькой поэме» «Пришествие» (октябрь 1917 г.) «Тишина полей и разума / Точит копыя» [II, 49]; далее звучало обращение к Богородице — «Руси-Приснодеве» — защитить ее сына от распятия: «Под ивой бьют Его вои / И голгофят снега твои»; и для защиты было достаточно воздействовать на врагов разными природными стихиями, в том числе: «О ланиту дождей / Преломи / Лезвие заката...» [II, 50]. В этом произведении, как позднее в «Сказке о пастушонке Пете...», также упоминался персонаж по имени Петр, но взятый из Священной истории; он призывался дважды, выступал образом-рефреном: «Симоне Пётр... / Где ты? Приди» и «Симоне Пётр... / Где ты? Зову!» [II, 49] (см. выше).

¹⁶⁷ Афанасьев А.Н. Русские народные сказки: в 5 т. / под ред. А.Е. Грузинского. 4-е изд. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. Т. 4. С. 46.

¹⁶⁸ Цит. по: Бабкин Д.С. Максимилиан Волошин (из воспоминаний) // Русская литература. 1971. № 4. С. 152.

Вообще глагол «точить» является частотным для поэзии и даже писем Есенина, им обозначается обычное действие крестьян по заточке рабочего железного инвентаря, также лексема употребляется в переносном смысле. У Есенина множество подобных словоупотреблений: «И грусть мне сердце точит» в «Песне старика разбойника» (1911–1912) [IV, 20]; «Лучше уж разом нанести удар, чем медленно точить острые языки» в письме к М.П. Бальзамовой от 12 июня 1913 г. [VI, 44]; «Ночь, как ворон, / Точит клюв на глаза-озёра» в маленькой поэме «Сельский часослов» (<1918>) [IV, 173]. В черновом автографе и в неполной машинописи ранней редакции 6-й главы поэмы «Пугачев» (РГАЛИ, фонд К.Л. Зелинского) звучат фразы, иногда с вариативным повторением фрагмента: «Точит ржавчина наш Яик, / Как железа лист», «И собаки свой лай наточили в глотках», «Точит челядь свой бунт на властей» и «Точит чернь топоры на властей» [III, 203, 248, 279, 335].

В художественной прозе и критике Есенина тоже используется глагол «точить» в литературном и диалектном употреблении: «Будя, — махнула старуха, — слезу точишь» и «Карев снял косу, вынул брус и, проводя с обуха, начал точить» в повести «Яр»; «Ей <душе> не страшно, что Шахриар точит нож на растленную девственницу <...>» в «Ключах Марии» [V, 53, 213].

Однако отношение Есенина к коммунизму и коммунистическому движению не было однозначным на протяжении жизни: работая в типографии И.Д. Сыгина и участвуя в деятельности Суриковского литературно-музыкального кружка, поэт раздавал листовки социал-революционной партии в Москве в 1913 г. и попал за это под надзор полиции, получив кличку Набор (Летоп. 1, 171, 178); впоследствии подавал заявление в коммунистическую партию и не был принят¹⁶⁹. Кроме того, любой талантливый и многогранный писатель тем и интересен, что наделяет лирических героев разных своих произведений широким спектром мыслей и мировоззренческих векторов, вплоть до полярных, даже если эти персонажи созданы в один период творчества литератора.

Вместе с пространными фрагментами, в которых описывались в черновом автографе «Сказки о пастушонке Пете...» попытки коров потоптать рожь, исчез момент с появлением быка, когда домашние животные просто становятся неуправляемыми: «К стае той лебяжьей / Забежал бычина» и «Забежал бычище» [VII (2), 22]. К тому же нарушалось правдоподобие сюжета, если бы маленькому мальчику поручили управляться с огромным быком, что не всегда удается даже взрослому пастуху. Особо агрессивным быкам вставляли в ноздри металлическое кольцо, чтобы в момент опасности пастух мог ухватиться за него и попытаться совладать с разъяренным животным. Очевидно, Есенин решил отка-

¹⁶⁹ Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. (7 кн.) / гл. ред. А.Н. Захаров. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 2 / общ. ред. и предисл. А.Н. Захарова; сост.: В.А. Дроздов, А.Н. Захаров, Т.К. Савченко. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 49, 215 и др. Далее данный том цитируется как: Летоп., 5 (1) с указанием страницы в тексте после цитаты.

заться от большого нагромождения подробностей, не влияющих на сюжетную линию, а лишь затрудняющих прочтение сказки.

Интересно, что в стихотворении Есенина отсутствует начальное звено советской общественно-политической иерархии — октябрят, имевшееся у Маяковского. В позднейших фольклорных переделках образ пастушонка преобразован в октябренька, реже в пионера.

О диалектной речи, афоризмах и авторской мифологии о корове

«Сказка о пастушонке Пете...» изобилует диалектизмами и специфической крестьянской терминологией и потому нуждается в комментировании, особенно в разъяснении для современных городских детей. Так, народное выражение «коровы в спуске» [II, 166] имеет четыре смысловых трактовки: во-первых, «скотский спуск», «пастбище» в Нижегородской губернии; во-вторых, первое выпускание скотины со двора весной пастишь на луга и в леса; в-третьих, «спускать животных, для приплоду» (эти три значения отмечены в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля); в-четвертых, «спуском» в Олонецкой и Петроградской губерниях именовали заговор, произносимый при первом выгоне скотины на пастбище весной, чтобы волк ее не задрал и лихие люди не увели¹⁷⁰. Однако Есенин допускает еще омоним о кособоре, мокром от дождливой осени, когда «у дубровы опадь»: «Нет, никто на свете / На обмокшем спуске <...>» [II, 169].

Заметим, что сам образ коровы, особенно стельной, т. е. ожидающей рождения телят, является важным элементом тщательно выстроенной Есениным авторской «коровьей мифологии», которую он считал чрезвычайно значимой для крестьянского мировоззрения. Образами священных коров, в своей основе заимствованных из египетской мифологии, перенесенных на русскую почву и возведенных буквально до божественных небес, возведенных до уровня божества, поэт насыщает целый ряд произведений раннего и революционного периодов творчества. Это и призыв «Господи, отелись», «Звездами спеленай / Телицу Русь» в маленькой поэме «Преображение» (ноябрь 1917 г.) [II, 52]; «По-иному над нашей выгибью / Вспух незримой коровой Бог» и «Все равно — он иным отелится / Солнцем в наш русский кров. / Все равно — он спалит телением, / Что ковало реке берега» в «Инонии» (январь 1918 г.) [II, 64]; и утверждение о необходимости поставить памят-

¹⁷⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: М.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. Т. 4. С. 308; Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2006. Вып. 40. С. 282.

ник корове, подмеченное в статье «Как делать стихи» В.В. Маяковского (1926)¹⁷¹. Показательно сопряжение Есениным коровы с железной транспортной машиной, подчеркнутое Маяковским: «<...> появилась апология “корове”. Вместо “памятника Марксу” требовался коровий памятник. Не молоконосной корове а ля Сосновский, а корове-символу, корове, упершейся рогами в паровоз»¹⁷².

У Есенина вроде бы простые персонажи из крестьянского хозяйства получили символическую окраску через упоминания отдельных выразительных деталей: «Кленочек маленький матке / Зеленое вымя сосет» в стихотворении «Там, где капустаны грядки...» (1910) [I, 16].

И.И. Шнейдер в книге «Встречи с Есениным» (глава 11) упомянул эпизод во время приезда поэта с А. Дункан в санаторий в поселок Литвиново под Москвой в 1923 г., после возвращения из заграничного турне:

По дороге нам попалося коровье стадо. Есенин, увидав стадо, вытянул шею:
— Коровы...

Потом, оглядываясь на нас, быстро заговорил:

— А вот если бы не было коров? Россия — и без коров! Ну, нет! Без коровы нет деревни. А без деревни нельзя себе представить Россию¹⁷³.

Владислав Ходасевич считал чрезвычайно значимой мысль Есенина о сказочно-мифологическом основании его ранних сочинений: «Небо — корова. Урожай — телок. Правда земная — воплощение небесной»¹⁷⁴.

В стихотворении «Я иду долиной. На затылке кепи...» (18 июля 1925 г.) литературный герой Есенина готов угождать коровам, но взаимнообразно, устраивая с ними братские отношения: «Хорошо косою в утренний туман // Выводить по долам травяные строчки, / <...> Что читать их может каждая корова, / Отдавая плату теплым молоком» [IV, 225].

В России бытуют народные мифологизированные представления о корове — некоем сконструированном «коровьем божестве»; сравните: подобный термин «куриный бог» до сих пор употребляется на Рязанщине и в других местах в отношении камня с дыркой, который считался оберегом и привешивался над насестом для кур. В отличие от таких фантазий, в «Сказке о пастушонке Пете...» корова показана примитивным животным, именуется «дурой», ее ум характеризуется

¹⁷¹ Маяковский В.В. Как делать стихи // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Худож. лит., 1959. Т. 12. С. 94.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Шнейдер И.И. Из книги «Встречи с Есениным» // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 44.

¹⁷⁴ Ходасевич В.Ф. Есенин // Русское зарубежье о Есенине: в 2 т. / вступ. ст., сост., коммент. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Инкон, 1993. Т. 1. С. 54–55.

как «Смыслят ни бельмеса», ее занятия однообразны — «Им бы только лопать», и ею способен командовать мальчик [II, 166, 169]. Коровы обезличиваются и даже выступают как бы неодушевленными существами — «товаром», который можно продать на базаре: «С эдаким товаром / Дрянь быть комиссаром» [II, 172].

При большом желании гипотетически можно увидеть божественный ореол над коровой в «Сказке о пастушонке Пете...»: «На коровьей шее / Плачет колокольчик» и «Голос раздается / Звоном средь дубравы» [II, 167]. Все это уподобляет домашнее животное церковному строению — колокольне, причем важно, что повествователь делает акцент не на собственном голосе коровы — мычании, а на колокольном звучании, пусть исходящем не из христианского инструмента — колокола, но из его уменьшенного аналога, привязанного к коровьей шее, чтобы животное было легко найти, если оно далеко отойдет от пастбища. Глагол в словосочетании «Плачет колокольчик» относится к излюбленным словечкам Есенина: «Я пойду к обедне / Плакать на цветы» в стихотворении «Троицыно утро, утренний канон...» (1914) [I, 31].

Интересно, что коровы в сказке не имеют кличек (в отличие, например, от собаки в сказке-«рассказе» «Бобиль и Дружок» (<1914–1915>)), они показаны целым стадом, без разделения на отдельные субъекты, без персонификаций. Мария Дмитриевна Воробьева (1925–2005), соседка Есениных в селе Константиново, передавала слова младшей сестры поэта А.А. Есениной, выступавшей в сельской библиотеке: «Разные вопросы в библиотеке приезжие задавали ей. Например, как коров Есенина звали? Александра Александровна отвечала: “Да как их звали? Хоть Буренка назови, хоть Данка, хоть Пеструшка”. Она женщина строгая была» (Запись Е.А. Самоделовой. Тетр. 23. № 11. С. 29. С. Константиново Рыбновского р-на Рязанской обл. 12.09.2000). Из ответа о кличках коров видно, что они основаны на масти животных, аналогично кличкам лошадей: Сивка-Бурка, вещая Каурка в фольклорной волшебной сказке; Бурушка в былинах и т. п.

Поручение пастушонку Пете пасти именно коров подчеркнул художник К.П. Ротов, изобразив их в большом количестве и с разнообразным окрасом на своих иллюстрациях в журнале «Пионер» (1925, № 23). Иллюстратор увидел обилие описаний коров и удостоверил их в графике, изобилующей фигурками коров разных пород, представленных в различных позах и в целом создающих представление о большом стаде — «коровьем царстве» (Летоп. 5, 566, 788–789 — приложение).

Авторское словосочетание Есенина «коровье царство» в «Сказке о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» вписывается в систему, с одной стороны, фольклорного «тридевятого царства», а с другой — в мифологические конструкции поэта с Телицей-Русью.

Интересная иерархия пастухов разных видов домашних животных приведена уже в «Родном слове» К.Д. Ушинского — в фольклорной сказке «Мена»,

в которой крестьянин последовательно встречается с разными людьми и меняется с ними товаром; вот перечень встречных лиц: «пастух волов гонит»; «овчар — гонит овечье стадо»; «свинопас — поросят гонит»¹⁷⁵.

С красочными подробностями об обихаживании коров, о содержании их на протяжении всего лета за рекой Окой и о пастбы на будущем озимом поле уже в селе Константиново сообщила А.А. Есенина в книге «Родное и близкое»¹⁷⁶. В варианте мемуаров «В Константинове» Е.А. Есенина вспоминала о большой заботе отца о домашней скотине по возвращении его из Москвы со службы в мясной лавке: «И отец старался скорее уйти во двор, где его с нетерпением ждали корова и овцы. Отец наш ни с одним человеком не был так нежен, как со скотиной. Двор — это было его владение, и во дворе у нас стало при нем уютнее и чище, чем в избе»¹⁷⁷. Сестра поэта привела слова матери о способностях отца правильно содержать домашний скот: «У него <и> конь чищенный, и <корова> молоко дает как на хорошем корме, видно, правда, по часам скотину кормить полезно, — говорила мать, когда отца не было дома»¹⁷⁸.

В то же время сюжет «Сказки о пастушонке Пете...», написанной при советской власти, построен на столкновении реалий уходящего патриархального быта с новыми социалистическими веяниями. При этом, проходя через мировосприятие пастушонка, деятельность комиссара сильно искажается и мыслится в упраздненных категориях делопроизводства: он собирает оброк, как это делал управляющий у помещика. Такое описание роли комиссара привело спустя почти столетие, уже после распада СССР как единого государства в 1991 г., Е.Ю. Дрожжину к выводу о том, будто поэт с помощью жанра сказки показывал недостатки советского строя: «Сказочная, иносказательная форма произведения позволяла Есенину говорить о непозволительных во взрослой литературе вопросах: классовом неравенстве, нищете, угнетении крестьянского люда <...>»¹⁷⁹.

Есенин употребляет переосмысленные на новый лад давно известные заимствованные слова («комиссар»), неологизмы («трактор») и дефиниции «новояза» («волсовет», т. е. волостной совет). В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка: в 2 т.» П.Я. Черных (1999) отметил, что «слово комис- (с)ар известно в русском языке с XVII в.», означало «лицо, осуществляющее надзор, наблюдение, особенно за поставками снабжения в армии», встречается в «Книге о ратном строе» 1647 г. (как «кумисар» и «смóтровый комисáр»), в словарях зафик-

¹⁷⁵ Ушинский К.Д. Родное слово. С. 72–73.

¹⁷⁶ Есенина А.А. Родное и близкое // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 60.

¹⁷⁷ Есенина Е.А. В Константинове. Ч. 1 и 2 // Есенина Н.В. В семье родной. С. 224.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Дрожжина Е.Ю. Недетские темы в советской сказке С.А. Есенина «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве». С. 42–43.

сировано с 1731 г. — впервые в «Немецко-латинском и русском лексиконе купно с первыми началами русского языка к общей пользе» Э. Вейсмана (СПб., 1731)¹⁸⁰.

В «Сказке о пастушонке Пете...» интересно совмещение разных смыслов одного слова, которое употребляется в различных контекстах: например, «треба» является одновременно диалектизмом с семантикой 'требования' и церковным термином (известны церковные богослужебные книги «Требник большой» и «Требник малый»)¹⁸¹. Слово «треба» со значениями «жертва», «жертвоприношение» отмечено в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского¹⁸². П.Я. Черных предполагал генезис слова «треба» от корней «-реб-» (с полногласием от глагола «терebить») или от *terb- от «терзать, мучить» и более склонялся к ритуальному происхождению в смысле «приносить очистительную или умиловительную жертву», «просить»¹⁸³. В «Сказке о пастушонке Пете...» мальчик размышляет о крестьянах, которые применяют слово со стремительно устаревающим конфессиональным смыслом к современным условиям жизни: «Что ни день, то с требой, — / То построй им школу, / То давай им хлеба» [II, 171], происходит своеобразная лингвистическая игра.

В стихотворении «Издатель славный! В этой книге...» (<1924>) Есенин постулирует новые критерии стихосложения в советскую эпоху, которые он начал воплощать: «Учусь постигнуть в каждом миге / Коммуной вздыбленную Русь», «Душа спросонок хрипло пела, / Не понимая праздник наш», «Но ты видением поэта / Прочтешь не в буквах, а в другом, / Что в той стране, где власть Советов, / Не пишут старым языком» [IV, 190].

Эпитет в словосочетании «народ суровый» является характеристикой национального характера, относимого Есениным к одному лицу (в том числе обобщенному) или социальной группе, и перекликается с фразами из других произведений поэта: «Я пришел, как суровый мастер» в «Исповеди хулигана» (ноябрь 1920 г.) [II, 88]; «Неужель в народе нет суровой хватки / Вытащить из сапогов ножи / И всадить их в барские лопатки», «Наших пашен суровый житель / Не найдет, где прикрыть головы» и «Дует в души суровому люду / Ветер сырую и воню болот» в поэме «Пугачев» (март — август 1921) [III, 10, 16, 36]; «Суровый гений! Он меня / Влечет не по своей фигуре» в отрывке «Ленин» (1924) [II, 144]; «Еще суровой и угрюмой / Они творят его дела» — в редакции поэмы «Ленин. Отрывок из поэмы "Гуляй-Поле"» [II, 192].

¹⁸⁰ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. С. 417–418.

¹⁸¹ Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Тип. Вильде, 1900. С. 729.

¹⁸² Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И.И. Срезневского. СПб.: Изд-е Отд-я рус. языка и словесности Имп. Акад. наук; Тип. Императ. Акад. наук, 1912. Т. 3. Вып. 2. Стб. 1019–1020.

¹⁸³ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. С. 259.

В «Сказку о пастушонке Пете...» включено множество народных выражений пословичного типа, в том числе поданных в вариативном виде: «Смыслят ни бельмеса»; «Не получит взбучу — / Чести не уронит»; «Спи и плюй на месяц»; «Песня плохо спета»; «Что шумит, как восемь / Чертенят веселых»; «Весь как есть пропащий»; «И дрожишь полсутки / То душой, то телом»; «Взяли раз Петрушу / За живот, за душу» (ср. ранее в том же году в «Анне Снегиной» — «Старуха за милую душу / Оладьев тебе испекла») [III, 164]); «Да как дали таску»; «Не хочу и даром / Быть я комиссаром» [II, 172, 173].

Размышление пастушонка Пети «И дрожишь полсутки / То душой, то телом» [II, 169] основано на народном фразеологизме и носит иронический характер из-за сочетания незначительной длительности испуга и его сильного физического проявления. Это видно в сопоставлении с высказыванием матери поэта, воспроизведенным в варианте мемуаров «В Константинове» Е.А. Есениной при передаче материнского отношения к трудностям освоения ветеринарного подхода к домашней скотине, правильным уходом за которой владел отец: «Только я как подумаю, что сорок лет надо учиться этому, и все сорок лет *дрожать душой и телом*, Бог с ним, с твоим порядком, ведь тебе, бедному, была не жизнь, а мука в чужих людях»¹⁸⁴.

Другие народные крылатые выражения, приведенные Есениным в сказке, встречаются в «Пословицах русского народа» В.И. Даля — например: «Смыслят ни бельмеса» имеет аналогичную пословицу «Не смыслят ни бельмеса, а суется бесом»; «Да как дали таску» соотносится с устойчивым речевым выражением «Задать кому таску, трепку, катку»¹⁸⁵.

Утверждение «Не хочу и даром / Быть я комиссаром» имеет более сложный прообраз, наблюдаемый в поговорке, записанной Далем и трансформированной Есениным: «Даром дают, да и с придачей не берут»¹⁸⁶.

Мысль пастушонка Пети «Спи и плюй на месяц» близка к поговорке, зафиксированной В.И. Далем: «Сиди высоко, да плюй далеко!»¹⁸⁷. Это авторская вариация на строки «Исповеди хулигана» (ноябрь 1920 г.) с обобщенным оборотом: «Мне сегодня хочется очень / Из окошка луну обоссать» [II, 87]. А.Ю. Фомин указывает, со ссылкой на «Латинско-русский словарь» И.Х. Дворецкого (1949, 1976), что в романе римского писателя Петрония Арбитра «Сатирикон» (I в. н. э.) приведен «сугубо греческий оборот *Tengō mēnās* (греч. Τέγγωμὴνᾶς) — я пьянствую ночь напролет, дословно: “я орошаю, смачиваю луну” <...>»¹⁸⁸. Исследователь подчеркивает, что

¹⁸⁴ Есенина Е.А. В Константинове. Ч. 1 и 2. С. 224; курсив наш. — Е. С.

¹⁸⁵ Даль В.И. Пословицы русского народа. С. 490, 219.

¹⁸⁶ Там же. С. 508.

¹⁸⁷ Там же. С. 514.

¹⁸⁸ Фомин А.Ю. Скрытое цитирование в поэзии С.А. Есенина: художественно-философский аспект // Национальный стиль русской литературной классики. Материалы III между-

в подлиннике употреблено множественное число «луны», т. е. «отражения лун»¹⁸⁹. При жизни Есенина существовало несколько изданий в русском переводе «Сатрикона», и поэт, вероятно, читал роман, но нюансы перевода он мог узнать только от специалиста по античной литературе, как это предположил А.Ю. Фомин.

Однако во фразе из «Сказки о пастушонке Пете...» Есенина заключена ирония, понятная в силу невозможности достигнуть небесного объекта, не замарав себя, и по этому поводу Даль записал несколько поговорок с насмешливым указанием и еще больше — с назиданием: «Сверху легко плевать, а попробуй снизу (вверх плюнуть)!» и вариант «Сверху легко плевать, попробуй-ка снизу»; «Себя жалеючи, кверху не плюй»; «Выше носа плюнешь, себя заплюешь»; «Кверху плевать — свою бороду заплевать»; «Вверх не плюй: себя пожалей»¹⁹⁰. До наших дней дошло народное выражение «плевать в потолок», обозначающее высшую степень безделья, однако не отмеченное Далем ни в сборнике пословиц, ни в словаре.

Риторические вопросы «Кто им наморочил? / Кто им накудахтал?» [П, 172], несмотря на их простоту, несут за собой шлейф фольклорной и библейской традиции. Глагол «наморочить» в родственной форме включен в крылатое выражение «морочить голову» и соответствует народным представлениям о возможности духов так называемой «низшей мифологии» насыщать морок на человека, т. е. затемнять сознание, временно повреждать рассудок. Среди «Пословиц русского народа» (1862) В.И. Даля отмечены поговорки — о безликом духе, подобном мифологическому персонажу, и о конкретно названном: «Лясы точит, да людей морочит»; «Морочила морока, а пророчила сорока»¹⁹¹. Результат опасного действия сверхъестественных существ также подмечен собирателем паремий и даже вошел в юридическую практику, сохранившуюся в современном административном праве: «На вымороченное нет наследства. Вымороченное на мир пошло»¹⁹².

Глагол «накудахтал», тесно привязанный к курице, все-таки обладает дополнительным смысловым оттенком — указанием на кукареканье петуха, которое напоминает о библейской легенде о троекратном звучании в ночную пору петушиного крика, получившего значение пророчества о предательстве Иудой Христа; также в народной среде было распространено гадание (особенно святочное) по поведению курицы¹⁹³. В «Пословицах русского народа» Даль привел такие примеры про кудахтанье кур, которые показывают бессмысленность и, точнее,

зовской научно-практической конф. (г. Москва, 22 апреля 2016 г.) / отв. ред. С.А. Васильев.
М.: Литера, 2017. С. 174.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Даль В.И. Пословицы русского народа. С. 251, 625, 806, 922.

¹⁹¹ Там же. С. 151, 564.

¹⁹² Там же. С. 632.

¹⁹³ Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина. С. 591.

полное отсутствие достоверной информации: «Не слушай, где куры кудахнут, а слушай, где Богу молятся!»¹⁹⁴. В то же время кудахтанье происходит во время опасности и предупреждает о ней: «Лиса придет — и курица раскудахчится» (так!)¹⁹⁵. Интересно, что Даль подметил в народной поговорке семантический перенос куриного крика на других персонажей, что показывает невозможность всех указанных событий: «Кочет яичко снес, а ворона раскудахталась»¹⁹⁶. Подобный народный прием применил Есенин, адресуя вопрос «кто им накудахтал?» крестьянам, с утра толпящимся у здания волостного совета [II, 172]. Таким образом, Есенин с помощью двух указанных просторечных глаголов показывает напуганность деревенского люда, уподобленного глупым курам. И все-таки нельзя отказать персонажу Есенина в интуиции, как и домашней птице, предчувствующей непогоду: «Куры кудахнут — к ненастью»¹⁹⁷.

Хронотоп «Сказки о пастушонке Пете...» и прообраз «коровьего царства»

Хронотоп «Сказки о пастушонке Пете...» напоминает пространственно-временные отношения в фольклорной сказке — с ее стилистическими клише типа «не скоро дело делается, скоро сказка сказывается» и герой отправляется «за тридцать земель в тридесятое царство, в иншее государство»¹⁹⁸. У Есенина время течет с весны до завершения осени, т. е. представлен весь период сезонной пастушеской работы в России (и в Рязанской губернии), а пространство простирается от леса с соснами, от трав и цветов около него, далее через дубровы и поле с рожью протягивается до придорожных ив, кленов и осин. Как в некоторых народных сказках присутствует мотив сна (иногда убитый и восстановленный с помощью мертвой и живой воды герой удивляется тому, будто он долго спал¹⁹⁹), так и в «Сказке о пастушонке Пете...» мальчику снится сон, точно он стал комиссаром. Заметим, что личное пространство пастушонка и комиссара относится к совершенно разным мирам: комиссар проживает «на своей квартире», а пастушонок — в избе или хате (она не названа, но предполагается в соответствии с крестьянским происхождением, профессиональным статусом и местом работы мальчика).

Авторское словосочетание «коровье царство» в заглавии сказки непосредственно отсылает к фольклорным константам «тридесятое царство» и «коровьи

¹⁹⁴ Даль В.И. Пословицы русского народа. С. 7.

¹⁹⁵ Там же. С. 129.

¹⁹⁶ Там же. С. 817.

¹⁹⁷ Там же. С. 1026.

¹⁹⁸ Афанасьев А.Н. Русские народные сказки: в 5 т. 1913. Т. 1. С. 14; 1914. Т. 2. С. 83.

¹⁹⁹ Там же. 1914. Т. 2. С. 161 и др.

пастухи», а также к ряду сказочных сюжетов с коровами. К сельской картине пастушества в произведении Есенина наиболее близок эпизод из фольклорной сказки «Заколдованная королевна» (СУС 401)²⁰⁰, в которой героиня «вздыхнула, села в коляску и поехала; видит — мальчик коров пасет <...>»²⁰¹. В варианте этой сказки трактирщица «послала работника на дорогу: “Ступай в чистое поле: там увидишь пастухов, что коров пасут, пристройся к ним и дождидай <...>”»²⁰². В «Сказке про утку с золотыми яйцами» (СУС 567) тоже дан типичный сельский пейзаж: «В чистом поле пастух коров пасет»²⁰³. В сказке «Сестрица Аленушка, братец Иванушка» (СУС 450) герои в долгом путешествии «видят пруд, а около пруда пасется стадо коров»²⁰⁴.

В сказке «Королевич и его дядька» (СУС 502) имеется характеристика чудесного преобразования коровьего стада: «<...> а коров погонит, у всякой коровы сделаются рога золотые, хвост — золотой, по бокам — часты звезды»²⁰⁵. В сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» (СУС 313) коровы представлены важным показателем благосостояния: «Вышел он после на задний двор, открыл красный сундучок — и полезли оттуда быки да коровы, овцы да бараны; много-много набралось всякого скота, все сараи и варки <загородки для скотины> стали полны»²⁰⁶. В сказке «Козьма Скоробогатый» (СУС 545 В) лиса «добегает до коровьего стада царя Змиулана»²⁰⁷. В сказке «Безногий и слепой богатыри» (СУС 519) королевна Анна Прекрасная «заставила Ивана-царевича коров пасти»; подробно освещен процесс пастбы, принижающей честь героя: «Каждой день поутру ходит он со стадом в чистое поле, а вечером назад на королевский двор гонит; в то время королевна на балконе сидит и поверяет, все ли счетом коровы. Пересчитает и велит их царевичу в сарай загонять, да последнюю корову под хвост целовать: эта корова так уж и знает — дойдет до ворот, остановится и хвост подымет»²⁰⁸.

В немецком варианте сказки «Мальчик-с-пальчик» (СУС 700) герой отправлен на съедение домашним животным: «<...> служанка захватила его вместе с травой и бросила коровам» и «большая черная корова проглотила малютку, и он очутился в совершенных потемках»²⁰⁹. В русской сказке «Пойди туда — не

²⁰⁰ Здесь и далее в тексте сокращение СУС с номером дается по изд.: Сравнительный указатель сказок: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.

²⁰¹ Афанасьев А.Н. Русские народные сказки: в 5 т. 1914. Т. 5. С. 53. № 152.

²⁰² Там же. С. 55. Сноска 1. № 152.

²⁰³ Там же. 1914. Т. 3. С. 114. № 39.

²⁰⁴ Там же. 1914. Т. 5. С. 20. № 146.

²⁰⁵ Там же. 1913. Т. 1. С. 202. № 67.

²⁰⁶ Там же. 1914. Т. 3. С. 158. № 125.

²⁰⁷ Там же. 1914. Т. 2. С. 220. № 99.

²⁰⁸ Там же. 1914. Т. 3. С. 52. № 116.

²⁰⁹ Там же. 1915. Т. 5. С. 157. № 168 — комм.

знаю куда, принеси то — не знаю что» (СУС 465 А) персонаж не справляется с простым крестьянским занятием: «Вот он нанился в одной деревне стадо пасти и рядился на лето за сто рублей; не дожил и до половины лета, а уж больше десятка коров растерял; и тут ему отказали»²¹⁰. В «Истории об Илье-Муромце и о Соловье-разбойнике» (сказочном пересказе былины) представлено посмертное наказание нерадивому пастуху: «“Как ехал я к тебе, красное Солнышко, видел на пути двух больших коров — бегают они по полю да мужика на рогах носят; будет ли ему прощение?” — “Нет ему прощения; как жил он на том свете да был пастухом, он за стадами не смотрел, на хорошую траву коров не гонял; вот за то теперь и мучается”»²¹¹.

В русских народных сказках имеются сюжеты с покровительством коровушкой-матушкой своей дочери, с рождением сына-человека от коровы, с событиями с коровьей шкурой и коровьим пузырем, с коровой-«обжорищем» и со съедением protagonистом целой коровы. Знакомство Есенина со сказками с коровьими образами, понимание их многочисленности и разнообразия в русском сказочном фольклоре привело поэта к идее «коровьей мифологии», которой насыщены его маленькие поэмы 1917–1919 гг. и стихотворения той поры, а также к созданию сказки «о коровьем царстве».

Фольклорные переделки «Сказки о пастушонке Пете...», начиная с 1940-х гг.

«Сказка о пастушонке Пете...» с ее легко запоминающимися рифмами (причем с самыми простыми парными, хотя в тексте есть и другие) спустя десятилетия вызвала ряд фольклорных произведений-переделок, а также литературные пародии. Они не имеют ничего общего с содержанием сказки Есенина, кроме первой-второй строк, породивших устно-поэтический сюжет²¹². Первые записи относятся к периоду Великой Отечественной войны: «В моей фронтовой памяти» Аркадия Разгона (конец июля 1944 г.) — со стихами «Трудно жить на свете / Без начпрода Пети...», что объяснялось реальным именем должностного лица — начальника продовольственной части²¹³.

В конце 1970-х гг. в школе бытовали строки про вражду октябренька Пети с пионером Сережей (здесь звучит отсылка к имени Есенина как автора «Сказки о пастушонке Пете...», а образ октябренька, возможно, заимствован из сказки Маяковского). В 2000-х гг. был записан целый сюжет про октябренька Петю (возмож-

²¹⁰ Там же. 1914. Т. 3. С. 134. № 122.

²¹¹ Там же. 1914. Т. 5. С. 188. № 174.

²¹² Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина. С. 783–784.

²¹³ Там же. С. 783.

но, созданный значительно раньше), продолжающийся любовной историей про комсомолку Тоню и коммуниста Потапова²¹⁴. Очевидно, далее подобный сюжет был преобразован в историю про нелюбимые взаимоотношения мальчика с комсомолкой Варей и коммунистом Виталием, и закрутившаяся цепочка событий привела к замкнутому кругу, в итоге между строк ощущается, что Петя мог оказаться сыном коммуниста²¹⁵. В условном сюжете о «семейной жизни» советских граждан — с незаконно рожденными сыновьями и алиментами, появилась версия (редакция — если говорить о печатном источнике) для взрослых — «18+», про «комсомолку Юлю»²¹⁶.

Имеется версия «Трудно жить на свете / Пионеру Пете» с перечислением разных частей тела, по которым его бьют, помимо пионера Сережи, «комсомолец Зайцев», «коммунист Сеницын» и даже «беспартийный Кочкин»²¹⁷. Бытовала версия с вовлечением советского вождя в сюжет, раскручивающий историю о запрещенном настенном граффити: «Тяжко жить на свете октябренку Пете. / На стенке бабу голую рисует в туалете. / Пете дали трепку: Ленин так не учит»²¹⁸.

Если в исходном тексте Есенина только главный герой был представлен по имени, но не по фамилии, а комиссар вообще оставался безымянным, то в фольклорных текстах однажды внедренные в произведение фамилии персонажей стали повторяться в разных переделках: например, в «Вертикали» с зачином «Трудно жить на свете октябренку Пете» далее действуют пионер Сережа, комсомолка Варя, коммунист Сеницын (он же «ленинец»), «злой чекист Потапов» (он же «вражина-Потапов»), нарком (без фамилии и имени) и далее «товарищ Сталин»²¹⁹. «Задумчивый, старожил форума» 19.05.2010 указал на одну из ранних героинь — «Пьяная, помятая пионервожатая...»²²⁰. Цепевидная структура с усилением действенности родственных (или аналогичных) со-

²¹⁴ Детство // Живой журнал. URL: <https://childhood-ru.livejournal.com/20820.html>; собиратель sansimp63; дата публ. — July 7, 2007 (дата обращения: 20.10.2024).

²¹⁵ Полная версия об октябренке Пете // Жемчужины мысли. URL: <https://www.inpearls.ru/120578>. Опубликовал Hunta 27 авг. 2011 (дата обращения: 20.10.2024); Стихи. Трудно жить на свете октябренку Пете... // Гравицап. Живой журнал. URL: <https://gravitrar.livejournal.com/3239.html>; дата публ. — June 9, 2012 (дата обращения: 20.10.2024).

²¹⁶ Трудно жить на свете октябренку Пете... // Мир тесен. URL: <https://mirtesen.ru/dispute/43091839325/Trudno-zhit-na-svete-oktyabryonku-Pete...>; автор — Заноза; дата публ. 02.09.2016 (дата обращения: 20.10.2024).

²¹⁷ Приколы // Журнал «Самиздат». URL: <http://samlib.ru/m/miha/prikoly.shtml>; автор — Амо. 3.14 (дата обращения: 20.10.2024).

²¹⁸ Трудно жить на свете... // Графоманам.НЕТ. URL: <http://grafomanam.net › works>; дата публ. — Aug 13, 2011 (дата обращения: 20.10.2024).

²¹⁹ mercibo // Живой журнал. URL: <https://mercibo.livejournal.com/239216.html>; автор — mercibo; дата публ. — January 5 2022 (дата обращения: 20.10.2024).

²²⁰ День прошел на смарку. Сегодня день пионери // forumavia.ru. URL: <https://www.forumavia.ru/t/163491/6/>; автор — Задумчивый; дата публ. — 19.05.2010 (дата обращения: 17.05.2024).

бытий, характерная для жанровой разновидности народной кумулятивной сказки, также присутствует в фольклорных переделках «Сказки о пастушонке Пете...» Есенина²²¹.

Интересна двойная характеристика наиболее сильного героя, который выступает, согласно сказочным законам, последним (после менее удачливых персонажей, совершающих действия по нарастающей) и оказывается победителем: «Сам товарищ Сталин врезал по хлебалу. / И один лишь Сталин — вождь неуязвимый — / Над страной реет — добрый и любимый»²²². В последней строфе видна аллюзия на «Песню о Буревестнике» М. Горького (1901): «Этo смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы: "Пусть сильнее грянет буря!..."»²²³. Это произведение входило в школьную программу в СССР, заучивалось наизусть. Интересно, что поданное под ником mercibo произведение помещено под тегами (то есть метками или ярлыками, используемыми для описания и сортировки информации, особенно в Интернете) «литература», «история», «СССР», претендуя тем самым на образчик устной народной истории и словесности.

Логично, что образ комиссара, хотя и оставшийся безликим и ходульным, сочиненным сонной фантазией мальчика в произведении Есенина, получил в фольклорных текстах продолжение в перечислении персонажей по партийной линии, начиная с пионера Сережи, комсомолки Вали (Вари), комсомольца Зайцева, коммуниста Потапова или Синицына и дойдя до включения политических фигур Ленина, Сталина и далее Путина. Не менее показательно, что народ (в лице безвестных авторов переделок) умело смоделировал моральный конфликт между партийными и беспартийными членами советского общества, начиная с ребенка, который тоже по их воле стал принадлежать к детской политической организации — к октябрятам, хотя у Есенина этого не было. И пусть в реальной жизни Советского государства такого конфликта по политическим убеждениям не существовало, но безликие сочинители фольклорных версий и вариантов додумали его, исходя из потенциальных возможностей исходного текста Есенина, скорее всего, уже в так называемое «перестроечное время». Очевидно, сочинителями народных текстов являлись горожане, которые и переделали образ пастушонка в октябренька, следуя одинаковой словообразовательной модели и отступив от изначальной сельской среды. Безвестные и нарочито скрытые авторы переделки придали главному герою более понятный и обобщенный статус члена детской политической организации, основываясь на заданном ли-

²²¹ mercibo // Живой журнал. URL: <https://mercibo.livejournal.com/239216.html>; автор — mercibo; дата публ. — January 5, 2022 (дата обращения: 20.10.2024).

²²² Там же.

²²³ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1970. Т. 6. С. 8.

тературным произведением воображаемом конфликте между обычным ребенком и партийным работником, старшим по возрасту и социальному положению.

В Интернете устраивались конкурсы на лучшую пародию на сказку Есенина, судя по указанию «лучший ответ» (впрочем, это могла быть и условная рубрика, характерная для многих вопросов пользователей Сетью). В итоге появилось стихотворение «У Сереги гаечка в кармане...» с подписью «Вася Куролесoff, Хранитель Истины (256880)»; его автор выступил в защиту пионера (!) Пети от хулиганов Сереги со «свинцовеньким кастетом» и комсомольца Яши, которые посредством избивания готовят беззащитного мальчика «к жизни». Очевидно, инициатором конкурса или рубрики стала «Нежная Колючка. Мудрец (21784)», задавшая исходную тему как «Плохо жить на свете пионеру Пете», то есть с неточным цитированием Есенина²²⁴.

В Интернете находятся и иные фольклорно-жанровые версии — «Стих про Петю. Стишок про Петю», исполненные в виде «саdistских стишков», что видно уже по указанным дефинициям жанра²²⁵. Типовой начальный куплет «Плохо жить на свете / Пионеру Пете — / Бьет его по роже / Пионер Сережа!» выступает в виде законченной и самодостаточной формы, и это особенно наглядно при прочтении остальных «стишков» — фольклорного контекста, среди которого попадают не только «саdistские стишки», но и частушки-нескладушки, переделки словесно-акциональных игр (например, исходного текста «Море волнуется раз...»), шуточные арифметические задачи, анекдоты; встречаются также литературные и философские жанры — наподобие максим.

В то время как подлинная «Сказка о пастушонке Пете...» до сих пор не переведена на иностранные языки, у данной фольклорной переделки имеется вольный перевод на английский язык: «John is a pioneer but always sad / He is beaten by pioneer Ted»²²⁶.

Объединяющим стержнем таких произведений выступает Петя, причем из описаний самых разных случившихся с ним происшествий ясно, что он школьник, сначала октябренок, потом пионер и далее уже взрослый жених, компьютерщик и одновременно — собака (!), имеет сестру; однако если бы не было начального куплета, основанного на зачине «Сказки о пастушонке Пете...» (и не затвердили бы в памяти сказку Есенина многие поколения россиян), то выбор не самого популярного имени оказался бы непонятен. Само имя допускает варианты, не

²²⁴ Вопрос // Вопросы и ответы. URL: <https://qna.center/question/2213336?ref=simq> (дата обращения: 20.10.2024).

²²⁵ Стих про Петю. Стишок про Петю // Анекдоты. URL: <https://anekdoty.ru/p/pro-petyu/> (дата обращения: 20.10.2024).

²²⁶ Переводим русское народное творчество — час // Частушки. Английский. Живой журнал. <https://chastushki-engl.livejournal.com/>. Дата публ.: 14.01.2008 (дата обращения: 20.05.2025).

встречающиеся у Есенина в данном произведении: Петруха, Петр, Петр Ильич и даже Медный Петр, то есть народное название памятника Петру I в Санкт-Петербурге. Множество однокоренных имен, как и содержание произведения, свидетельствует о большой географии бытования переделок есенинской сказки, ее скрещивания в народном сознании с поэмой «Медный всадник» А.С. Пушкина, с «Песней о Буревестнике» М. Горького и др. Разумеется, герой оказывается в современных условиях, где действуют мигранты из соседних стран и даже с далеких материков — например, из Африки; также празднуются заимствованные недавно из Западной Европы и США праздники — в частности, Хэллоуин.

Интересно появление новой жанровой разновидности — стихотворных произведений из фольклорных подсистем материнского и детского фольклора: «Тяжко жить на свете молодой мамаше...», «Тяжко жить на свете мелкому бутузу...», в которых сюжет построен в виде перечисления сложностей жизни выведенных в зачине героев. Понятно, что такие тексты бытуют в письменной форме и сочиняются анонимно молодыми мамами от собственного имени и от лица ребенка, а может быть, создаются и папами и другими взрослыми, которым родительницы жалуются на трудности воспитания детей. Как и в «Сказке о пастушонке Пете...», в них сначала описываются разные жизненные трудности персонажа, собственно и составляющие все содержание, но далее возникает неожиданная концовка — по подобию детских страшилок, завершающихся громким выкриком исполнителя произведения (в данных случаях функция исполнителя совпадает с ролью одного из главных героев — мамы или даже младенца, что выделено графически): «Вот сейчас КАК РЯВКНУ, И КА-А-АК ДАМ ПО ПОПЕ!!!» и «Вот сейчас я сморщусь, и КА-А-АК БУДУ ПЛАКАТЬ!!!»²²⁷.

Из экзотических фольклорных версий есенинского сюжета про пастушонка Петю следует назвать еще произведения про русского царя, негритенка.

У такого типа фольклорных переделок появился свой интернет-термин — «кавер-версия»: «Гуглил в поисках народных кавер-версий “Трудно жить на свете пастушонку Пете”»²²⁸. Термин интересен тем, что предполагает песенное или мелодийное звучание текста, а не только его стихотворный вид, хотя «Сказка о пастушонке Пете...» Есенина пока не положена на музыку.

Обнаружено стихотворение «Блеском металлических коронок...» Ирины Евсы, предваряемое эпиграфом-четверостишием про октябренька Петю и пионера Сережу, излагающее семейную драму «постаревшего октябренька», любующегося в «ботсаду» (ботаническом саду) цветущей сиренью, и его брата-тирана.

²²⁷ Материнство. URL: <https://materinstvo.ru/art/21413>; дата публ. — 27.07.2020 (дата обращения: 20.10.2024).

²²⁸ «Петя, постаревший октябренок, топает с баклажками в ботсад...» // Кабочек. Живой журнал. URL: <https://kabocheck.livejournal.com/53542.html>; автор — kabocheck; дата публ. — August 29 2012, 18:13 (дата обращения: 20.10.2024).

Возможно, герой здесь трактуется «ботаном», т. е. увлеченным любимым делом человеком, отрешенным от реального мира и неспособным дать отпор своим притеснителям. Также в Интернете размещено стихотворение «Плохо жить на свете пионеру Пете... (На летящей в даль планете...)» Евгения Гинзбурга про спящего героя: это «пионер примерный Петя», которого по-прежнему бьет пионер Сережа, и не помогает призывное обращение — «крибле-крабле», заимствованное из литературного источника и таинственного призыва фокусника, но по сути восходящее к чудесной приговорке — вызову волшебного помощника из фольклорной сказки²²⁹.

«Сказка о пастушонке Пете...» привела не только к образованию народных (анонимных) стихотворений-переделок, но и послужила источником единственной, но часто встречающейся цитаты уже в деловой переписке. Например: «Да, пацаны, да. Как тут жить если мои акции снижаются на 30–40 %. Плохо жить на свете и Сереже и Пете! Но есть у нас все-таки радость! Это запасы валюты. Мы с Орловским держим на запасном пути свой бронепоезд, в котором лежат баксы»²³⁰. Причем в данном тексте скрестились две стихотворных цитаты — из «Сказки о пастушонке Пете...» Есенина и «Песни о Каховке» Михаила Светлова (1935) со строками: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд / Стоит на запасном пути»²³¹; песня стала популярной в 1936 г. после появления фильма «Три товарища» режиссера Семёна Тимошенко с музыкой Исаака Дунаевского. М.А. Светлов написал стихотворение «Есенину» (1926)²³², так что скрещенье сюжетов двух авторов-современников закономерно, хотя могло произойти и неосознанно.

Появилась редкая оптимистическая переделка: «Круто жить на свете пионеру Пете» — заглавие сообщения, которым поделилась в Интернете Urrsula 19 февраля 2012 г.; фольклорный текст ситуативно обусловлен посещением концерта с симфонической сказкой «Петя и Волк» С.С. Прокофьева²³³. В целом наибольшей частотностью отличаются фольклорные зачины «Тяжко / трудно / плохо жить на свете...» с действующим лицом — пионером или октябрёнком Петей.

Зачин «Сказки о пастушонке Пете...» породил цитаты-подписи под смешными фотографиями в Интернете: например, на сайте «Котоматрица» помещено

²²⁹ Гинзбург Е. Плохо жить на свете пионеру Пете // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2008/11/02/1896>; дата публ. — 2008 (дата обращения: 20.10.2024).

²³⁰ Плохо жить на свете пионеру Пете, бьет его по роже пионер Сережа (блог 25) // Блог трейдеров и инвесторов. URL: <https://smart-lab.ru/blog/761125.php>; автор Silent Hamster; дата публ. — 26 января 2022 (дата обращения: 20.10.2024).

²³¹ Светлов М.А. Стихотворения и поэмы. 2-е изд. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 242. (Библиотека поэта. Большая серия).

²³² Там же. С. 99–100.

²³³ «Круто жить на свете пионеру Пете» // Живой журнал. URL: <https://urrsula.livejournal.com/1332772.html> (дата обращения: 20.05.2025).

фото 2 котов на задних лапах, как бы в битве, — с подписью «Плохо жить на свете октябреньку Пете, / Бьет его по роже пионер Сережа»²³⁴.

В 2015 г. появилась картина маслом «Трудно жить на свете пионеру Пете» Александра Янина, на которой дан поясной портрет мальчика в белой рубашке с коротким рукавом и в красном галстуке, с подбитым глазом; предлагается выполнить копию на заказ²³⁵.

Высказано предположение о том, что зачин «Сказки о пастушонке Пете...» мог быть подсказан началом фольклорной песни «Охо-хо-хо-онюшки, / Скучно жить Афонюшке / На чужой сторонюшке», которую привел в 1920 г. А.Н. Толстой в качестве эпиграфа к рассказу «Настроения Н.Н. Бурова»²³⁶, а еще раньше, 28 августа 1896 г., процитировал собственный переименованный вариант в переписке с матерью — в ответ на сообщенный ею зачин в письме от 27 июля того же года²³⁷. На появление образа пионера мог повлиять пункт «Устава пионерской организации»: «Пионер — товарищ и вожатый октябрят» и др.; текст устава в позднесоветское время печатали на задней обложке тонких школьных тетрадей (12 и 18 листов), и он постоянно попадал в поле зрения учащихся, которые, подрастая и сталкиваясь с неидеальной действительностью, начинали иронизировать над уставными шаблонами.

Итак, «Сказка о пастушонке Пете...» породила множество фольклорных переделок и произведений иных устно-поэтических жанров, сначала «живших» в обычном фольклорном пространстве, а затем «поселившихся» на просторах Интернета, перемещающихся с одного блога или сайта на другой; часть текстов могла изначально создаваться для Сети. На первый взгляд, кажется, что такие переделки эфемерны и умирают с исчезновением сайта, однако количество их вариантов и версий, повторяемость на разных локациях показывает удивительную стойкость. Переделки, «саdistские стишки», просто «стишки» и многие другие жанры с сюжетом о пастушонке Пете не выделяются особой выразительностью и привлекательной эстетикой; они отличаются сниженным содержанием и примитивным сюжетом, однако находят спрос у пользователей Интернета. Среди подобных произведений встречается одна жанрово-тематическая разновидность «Тяжко жить на свете (кому)», очевидно, даже сформированная зачином «Сказки о пастушонке Пете...» и живущая по законам материнского и детского фольклора, в том числе «страшилок»; именно она представлена наиболее интересными

²³⁴ Фотографии животных с прикольными надписями // Котоматрица. URL: <http://kotomatrix.ru/show/360262/> (дата обращения: 19.09.2022).

²³⁵ Картина «Трудно жить на свете пионеру Пете». Художник Янин Александр // Картины современных художников. URL: <https://artnow.ru/kartina-Trudno-zhit-na-svete-pioneru-Pete-hudozhnik-Yanin-Aleksandr-817401.html> (дата обращения: 20.05.2025).

²³⁶ Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина. С. 784.

²³⁷ Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. / сост., подгот. текстов писем и коммент. А.М. Крюковой. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 56. № 10 и сноски 2, коммент.

сюжетами с разветвленными сюжетными линиями и увлекательным содержанием. Следовательно, Есенин своей «Сказкой о пастушонке Пете...» внес вклад не только в детскую литературу, но и в русский фольклор. В структуре «Сказки о пастушонке Пете...» есть важный элемент, а именно зачин, который, несмотря на свою простоту и даже примитивность, обладает большими «порождающими свойствами», способными создать фольклорные тексты разных жанров и тематики и даже произведения в иных областях искусства и гуманитарного знания (живописные картины, переводы, заглавия заметок и т. п.). «Сказка о пастушонке Пете...» становится неким «материнским текстом», своеобразной матрицей, от которой «отпочковываются» фольклорные произведения самого разного содержания и структуры. «Сказка о пастушонке Пете...» выделяется среди прочих сочинений Есенина обилием фольклорных подражаний (если можно так выразиться), причем с совершенно новыми сюжетами — в отличие от остальных текстов поэта наподобие «Письма матери» и «Ответа», в которых сохраняется хотя бы содержательный остов.

Список литературы

1. *Архипова Л.А.* Есенин сочиняет и поет частушки // «У меня в душе звенит тальянка...»: Частушки родины Есенина — села Константинова и его окрестностей. Фольклорное исследование Лидии Архиповой, главного хранителя Госуд. музея-заповедника С.А. Есенина. Челябинск: А.Л. Казаков со товарищи, 2002. С. 5–45.
2. *Асеев Н.Н.* «Избяной обоз» (О «пастушеском» течении в литературе наших дней) // Печать и революция. 1922. № 8. С. 38–45.
3. *Бельская Л.Л.* Социальный заказ, или Две сказки для детей // Русская речь. 1993. № 4. С. 16–20.
4. *Борзых Л.А.* Флористическая поэтика С.А. Есенина: классификация, функция, эволюция: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012. 186 с.
5. *Водарский В.А.* Символика великорусских народных песен // Русский филологический вестник. Варшава, 1914. Т. LXXI. № 1. Пед. отдел. С. 1–25.
6. *Водарский В.А.* Символика великорусских народных песен (Материалы) // Русский филологический вестник. Варшава, 1914. Т. LXXII. № 3/4. Пед. отдел. (Продолжение) С. 35–51.
7. *Воронский А.К.* Сергей Есенин // Есенин С.А. Собр. стихотворений: в 4 т. Л.: Госиздат, 1927. Т. 2. С. VII–LVI.
8. *Воронский А.К.* Об отошедшем // Есенин С.А. Собр. стихотворений: в 4 т. Л.: Гос. изд-во, 1926, 1927. Т. 1. XXXIII с.
9. *Дрожжина Е.Ю.* Недетские темы в советской сказке С.А. Есенина «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2017. № 2. Ч. 2. С. 42–44.
10. *Евдокимова В.Ю.* С.А. Есенин как последователь Л.Н. Толстого: педагогический аспект // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2016. № 4 (53). С. 87–98.
11. *Занковская Л.В.* «Большое видится на расстоянии...» С. Есенин, В. Маяковский, Б. Пастернак. М.: Флинта, 2005. 292 с.
12. *Козловский А.А.* Комментарии // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост., коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 446–509.

13. Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1969. 199 с.
14. Крученых А.Е. Новейшие поэты. 2. Яков Шведов // Жизнь искусства. Л., 1925. 29 сент. № 39. С. 7–9.
15. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. (7 кн.) / М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 1 / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; общ. ред. и вступ. сл. Ю.Л. Прокушева; сост.: М.В. Скорыходов, С.И. Субботин; сост. разделов: Е.А. Самоделова, М.В. Скорыходов, С.И. Субботин, Л.М. Шалагинова, Ю.Б. Юшкин при участии О.Л. Аникиной, Л.А. Архиповой, Н.Н. Бердяновой, В.А. Дроздова, Н.Г. Юсова. 736 с.
16. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. (7 кн.) / гл. ред. А.Н. Захаров. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 2 / общ. ред. и предисл. А.Н. Захарова; сост.: В.А. Дроздов, А.Н. Захаров, Т.К. Савченко. 760 с.
17. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 т. (7 кн.) / М.: ИМЛИ РАН, 2013. Т. 5. Кн. 1 / гл. ред. Н.И. Шубникова-Гусева; сост. Н.И. Шубникова-Гусева, при участии С.И. Субботина, Н.Г. Юсова; сост. разд.: А.Н. Захаров, Т.К. Савченко, М.В. Скорыходов, Н.М. Солобай. 832 с.
18. Лысов А.Г. Березовый меридиан. Леонид Леонов и Сергей Есенин. Ульяновск: УлГТУ, 2005. 139 с.
19. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния / сост. М. Баранович. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1860. III, IV, 553 с.
20. Морошкин М. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собственной е. и. в. канцелярии, 1867. 213 с.
21. Николаев В.И. «Вы всё, конечно, помните...» Томск: НТЛ, 2009. 284 с.
22. Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: в 2 ч. М.: Энциклопедия российских деревень; Народная книга, 1992.
23. Прокушев Ю.Л. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. М.: Сов. Россия, 1978. 384 с.
24. Прокушев Ю.Л. Юность Есенина. М.: Моск. рабочий, 1963. 191 с.
25. Рустам Бек Б. Работа над детской книгой // Огонек. 1925. 12 апреля. № 16. Б/с.
26. Рязанский государственный областной музей. Путеводитель. Рязань: [Гостиполитография], 1926. 81 с.
27. Савченко Т.К. «Папиросники» и «Русь бесприютная» Есенина в контексте борьбы с беспризорностью в Советской России 1920-х гг. // Сергей Есенин, его современники и наследники: Коллективная монография к юбилею Н.И. Шубниковой-Гусевой / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 148–171.
28. Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина: Авторский жизнеописание на перекрестии культурных традиций. М.: Языки славянской культуры, 2006. 920 с. (Серия *Studia philologica*)
29. Самоделова Е.А. «Бобыль и Дружок» С.А. Есенина: к полемике о жанровом статусе и фольклорных истоках поэтики текста // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 70–79. <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.81.4.007>.
30. Самоделова Е.А. Есенин в образе Леся и пастушка: рецепция личности писателя его современниками // Современное есениноведение. 2025. № 1 (72). С. 15–21.
31. Самоделова Е.А. Московский имажинизм в «зеркале» одного документа // Русский имажинизм / отв. ред. В.А. Дроздов. М.: Линор, 2003. С. 96–136, 457–465 (примеч.).
32. Самоделова Е.А. Образ ребенка и матери в рязанском фольклоре и этнографии: в 2 т. 2-е изд., доп. // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2019. Вып. 61. Т. 1. 356 с.
33. Самоделова Е.А. Поэтика рязанского свадебного фольклора. Ч. 3 // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2016. Вып. 56. Т. 3. 288 с.

34. *Самоделова Е.А.* Традиционная и современная рязанская свадьба (Послевенчанальные ритуалы и мировоззренческие аспекты). Ч. 2 // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2015. Вып. 56. Т. 2. 277 с.
35. *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Жизнь «Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. Рязань: Рязанский гос. пед. институт, 1995. 136 с. (Репринт: Записки Имп. Рус. геогр. общ-ва по отделению этнографии. Т. XXXIX. СПб., 1914).
36. *Серёгина С.А.* Николай Клюев и Сергей Есенин: диалог с эпохой / науч. ред. С.И. Субботин. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 816 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0781-6>.
37. Сравнительный указатель сказок: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
38. *Субботин С.И.* Библиотека Сергея Есенина // Есенин на рубеже эпох: Итоги и перспективы: Материалы Международной научной конференции, посвящ. 110-летию со дня рождения С.А. Есенина / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2006. С. 331–355.
39. *Субботин С.И.* Комментарии // Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. Т. 2 / подгот. текстов и коммент. С.И. Субботина. М.: Наука; Голос, 1997. С. 255–461.
40. *Сумцов Н.Ф.* О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков: Тип. И.В. Попова, 1881. 206 с.
41. *Терещенко А.В.* Быт русского народа: в 7 ч. СПб.: В тип. Мин-ва внутренних дел, 1848.
42. *Фомин А.Ю.* Скрытое цитирование в поэзии С.А. Есенина: художественно-философский аспект // Национальный стиль русской литературной классики. Материалы III межвузовской научно-практической конференции (г. Москва, 22 апреля 2016 года) / отв. ред. С.А. Васильев. М.: Литера, 2017. С. 168–177.
43. *Чистяков Н.* Королева у плетня. Орехово-Зуево: Упрополиграфиздат Администрации Моск. обл., 1996. 97 с.
44. *Чулков М.* Абевера русских суеверий. М.: В тип. у содержателя Ф. Гиппиуса, 1786. 326 с.
45. *Шубникова-Гусева Н.И.* Поэма-загадка. Масоны в творчестве Сергея Есенина // Ex Libris Независимой газеты. 1998. 1 апреля. С. 8.
46. *Шубникова-Гусева Н.И.* Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 688 с.
47. *Шубникова-Гусева Н.И.* Сергей Есенин и Галина Бениславская. СПб.: Росток, 2008. 480 с.
49. *Шубникова-Гусева Н.И.* «Черный человек» Есенина, или Диалог с масонством // Российский литературоведческий журнал. 1997. № 11. С. 79–120.
49. *Щербаков С.А.* Семантика и функции лексем клен и береза в произведениях Сергея Есенина // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковом вузе. Сб. материалов 3-й Международной научно-практической конф. М.: Моск. гос. технич. ун-т им. Н.Э. Баумана, Ассоциация технических ун-тов России и Китая, 2019. С. 401–405.
50. *Eberhard W., Boratov P.N.* Typen turkischer Volksmärchen. Weisbaden: Steiner, 1953. XI, 506 s.
51. *Uther H.-J.* The Types of International Folktales a Classification and Bibliography. Parts I-III. Helsinki: Academia scientiarum fennica, 2004. 618 p. (Series: Folklore Fellows' Communication 284–286)